

МАГИСТРАТУРА

Магистерская диссертация

521250 «Английская филология»

Научный руководитель

Допущена к защите:

_____ Хамитова Г.А.
(подпись, дата)

Павлодар, 2005

СОДЕРЖАНИЕ	стр.
Введение	3-10
Раздел 1. Семантический аспект имен существительных с положительной этической оценкой человека	10-22
1.1 Особенности современной лексической семантики	10-14
1.2 Содержательные компоненты лексико-семантической информации исследуемых субстантивов:	14-21
1.2.1 Сигнификативный компонент	14-15
1.2.2 Денотативный компонент	15-17
1.2.3 Прагматический компонент	17-19
1.2.4 О соотношении оценочности, экспрессивности и эмоциональности как элементов коннотативного компонента значения	19-21
Раздел 2. Прагматический аспект имен существительных с положительной этической оценкой человека	22-32
2.1 Факторы, влияющие на характер общения (ситуация статус говорящего, его социальные установки, позиция в ролевой структуре общения, отношение к предмету и адресату речи)	25-28
2.2 Употребление субстантивов с положительной этической оценкой человека в речевых актах	28-32
Раздел 3. Специфика семантики и прагматики русских и английских имен существительных с положительной этической оценкой человека	32-47
Заключение	47-49
Список использованных источников	50-52

Введение

Настоящая магистерская диссертационная работа выполнена в русле лингвоантропологических исследований и посвящена изучению человека, а точнее реконструкции фрагмента его образа как представителя русской языковой картины мира (ЯКМ) и вместе с тем как особой ипостаси целостного языкового образа человека - в аспекте его категориальных семантических репрезентаций, их образно-ассоциативного потенциала и основных прагмалингвистических характеристик.

Современная лингвистика в целом формируется как антропоцентрическая, иначе говоря, языковые процессы ставятся в зависимость от потребностей коммуникативной деятельности, что предполагает учет именно "человеческого фактора", когда субъект речи и ее реципиент включаются в описание языковых механизмов.

Подход к тексту с позиций речевой деятельности позволяет учитывать и фактор языковой личности, и фактор коммуникативной ситуации и дает возможность осуществить психолингвистический эксперимент.

Все возрастающий интерес к исследованию языковых явлений в речевой деятельности, впрочем, не исключает и отнюдь не умаляет ценность и значимость исследований, посвященных анализу системные связей языковых единиц и изучению их закономерностей [1, 13].

Истоки интереса современной науки о языке к образу человека, и внутреннего человека в частности, обнаруживают себя еще в работах Вильгельма фон Гумбольдта, предложившего оригинальную даже по меркам сегодняшнего дня лингвофилософскую концепцию, поставившую новые задачи перед языковедами.

Изучение языка по Гумбольдту не заключает в себе конечной цели, а вместе со всеми прочими областями гуманитарной науки служит высшей и общей цели совместных устремлений человеческого духа - цели познания человеком себя. Можно сказать, что сегодня в лингвистике уже достаточно много сделано для решения этой задачи: на основе языковых данных реконструируется запечатленный в языке «образ человека» - все то, что человек узнал о себе и захотел сообщить другому, к чему задолго до философской и научной мысли уже было обращено обыденное сознание. И, поскольку человек «запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции и свой интеллект, свое отношение к предметному и непредметному миру, природе», «передал языку свое игровое начало и способность к творчеству» [2, 3-11], становится очевидным, что изучение наивных языковых образов человека представляет собой альтернативный внелингвистическому научному, но необходимо дополняющий его способ осмысления феномена человека.

Будучи фрагментом ЯКМ, языковой образ человека имеет все присущие ей существенные отличия от традиционных, выработанных в процессе познавательной деятельности человека научных, философских, религиозных, художественных и других концептуальных моделей мира.

Прежде всего, он «не может претендовать на цельность, непротиворечивость, полноту и авторство», ибо к нему «приложили руку многие поколения людей» [3, 9-10]: объективируясь посредством предоставляемых средств, модели мира, созданные в разные исторические эпохи, на разных этапах развития человеческой мысли, неизбежно «входили» в язык, отпечатываясь в нем, «привнося в него черты человека, его культуры» [4, 8-70]. Так что в итоге оказывается, что в языковом образе человека научное соседствует с наивным, реалистическое, эмпирически подтверждаемое - с фантастическим, мифопоэтическим. Помимо этого, он лишен той упорядоченности, системности, которые присущи концептуальным (научным, философским, философско-религиозным) моделям. Вместе с тем языковой образ человека глобален: он представляет собой «концентрированное воплощение сути тех представлений о человеке, которые объективированы всей системой семантических единиц, структур и правил... языка» [5, 80], он объемлет и характеризует все семантическое пространство последнего.

Кроме того, языковой образ человека, в отличие от его рационально созданных научных моделей, не осознается или слабо осознается носителями языка, ибо представления, его образующие, существуют главным образом в качестве внутренней, содержательной формы языковых и речевых единиц. Формирующие ЯКМ представления о мире, находящие отражение в семантике языка, в спонтанной речи как бы «навязываются» всем говорящим на нем в качестве обычных, стереотипных, конвенциональных способов репрезентации реальности [4, 8-70].

В разные времена понятие «человек» рассматривалось и определялось своеобразно, в зависимости от мировоззренческих позиций, которые были актуальными для той или иной эпохи. В нашей работе мы разделяем мнение З.К. Темиргазинной о том, что лингвистика, утвердив в конце XX века принципы антропоцентричности, эгоцентричности в качестве основополагающих, делает акцент на изучение человека как создателя (в широком смысле) и носителя языковой модели мира, человека как языковой личности. В ней отражаются ценностные ориентиры и установки, вся система ценностей, сложившихся у каждого народа в процессе его культурно-исторического развития, ценности, «добытые» народом на его многовековом историческом пути [6, 6 (1)].

Иначе говоря, образ человека есть национально специфичное понятие, так как различные этносы определяют его по-разному, в зависимости от тех ценностей, которые являются значимыми для их культуры и преломляют эти ценности относительно человека; то есть в данном случае речь идет о существовании определенного национального типа личности. Таким образом, исследование образа человека затрагивает не только лингвоантропологический аспект, но и этнолингвистический фактор. Мнение о существовании так называемого национального типа личности поддерживается различными учеными, так, еще в XIX веке Н.Я. Данилевский в своей книге «Россия и Европа» говорил о том, что личность

является воплощением национальной культуры. Эта же идея прослеживается в работах П.А. Сорокина, Л.П. Красавина и др.

Национальный тип личности складывается из разного рода составляющих, которые охватывают некоторые отдельные стороны человека, входящие в систему ценностных отношений, существенные с аксиологической точки зрения для данной этнической культуры. Оценка является одной из важнейших лингвистических категорий, принимающих непосредственное участие в организации языкового общения. Как категория языка одной стороной она обращена к мышлению человека, его когнитивной деятельности, другой – к его практической деятельности, социальной и культурной реальности. Необходимость исследования лингвистической категории оценки диктуется той универсальной ролью, которую она играет в речемыслительной деятельности человека, отражая двуединство процесса осознания мира. В аксиологической модели человека присутствует эстетическая оценка его внешности, оценка интеллекта, эмоциональной стороны личности, а также этическая или нравственная оценка, которая, на наш взгляд, является определяющей среди остальных. Классификация оценочных значений является классификацией сфер оценочного поведения людей. Вслед за с З.К. Темиргазиной, мы считаем, что при общей аксиологической характеристике человека доминирует оценка его нравственных качеств. Действительно, из воссозданного в наивной картине мира образа человека наибольшим аксиологическим весом в системе ценностей языка обладают внутренние нравственные качества, определяемые в основных концептах: добро – зло; правда – кривда (ложь), справедливость – несправедливость, честь – бесчестье [6, 32], т.е. этическая оценка представляет собой реакции сознания, которые опираются на социально обусловленные представления о моральных нормах, о добре, о зле и т.д.

Этические предикаты опираются на социально обусловленные нормы морали, таким образом, моральные оценочные суждения являются результатом социальной интеракции людей, в ходе которой выработались этические нормы и предписания, отражающие нравственные ценности – добродетели и пороки – того или иного общества и регулирующие межличностные отношения. Знание и владение коммуникантами системы закрепленных в социуме этических ценностей определяет рациональную сторону моральных, оценочных суждений. Этическая оценка, являясь основополагающей мировоззренческой категорией, отражает культурно-исторические традиции общества и нравственную позицию личности, становится средством передачи нравственного опыта народа новым поколениям. Лексические единицы, относящиеся к этой категории, оценивают человека, главным образом, по его личностным свойствам и поведению, по тому, в какой степени они соответствуют нормам морали и этики. Существуют различные черты этических оценок, отдельные из них, например: нормативность, компаративность, соотнесенность с фактом-поступком, зафиксированы Н.Д. Арутюновой [7 (2)].

Аспект оценки у таких предикатов обусловлен стереотипными (нормативными) понятиями морали и этики, которые могут быть обозначены такими существительными, как: доброта, честность, порядочность и т.д. Оценочные стереотипы обладают стандартными наборами признаков. Их значение моделируется при помощи квалификативной структуры, которая включает оценочную шкалу, оценочный стереотип, объект и основание оценки, субъект оценки, оценочные модусы, аксиологические предикаты и их мотивировку. Оценочная мотивировка находится за пределами языка в традиционном его понимании [9, 247]. Лингвисты, занимающиеся проблемами оценочности, неоднократно отмечали нормативный характер позитивных оценок. Эта универсальная для всех языков тенденция обусловлена психической природой человека, его природной склонностью к добру. В представлении человека хорошее является нормой, а плохое – нарушением нормы. Оценочная шкала располагается в диапазоне между знаками оценки «+» и «-». Определение «хорошо/плохо» через человека требует идеализации человеческой природы.

Таким образом, через составляющие элементы аксиологического представления о человеке можно реконструировать модель, образ или фрагмент образа, который будет реализовывать национальный идеал, то есть «идеал, в котором языковым сознанием были «схвачены» и воплощены мечты, чаяния и надежды народа, его представления о лучшем. Это национальный образ человека, в котором языковое сознание представляет, какими внутренними качествами должен обладать человек, чем он должен руководствоваться в своих благих поступках и т.д. Вспомним высказывание великого русского писателя Ф.М. Достоевского: «Мерило народа не то, каков он есть, а то, что считает прекрасным и истинным, по чем вздыхает»» [6, 21].

В связи с этим целью данной исследовательской работы является реконструирование фрагмента образа человека, а точнее его нравственной, моральной стороны посредством анализа имен существительных с положительной этической оценкой человека, описания их семантического и прагматического потенциала.

Для этого мы определяем задачи:

- проанализировать специфику семантической структуры имен существительных с положительной этической оценкой человека, выделив все компоненты их лексико-семантического содержания;
- классифицировать данные субстантивы по выражаемому ими семантическому внутреннему признаку;
- систематизировать все имеющиеся единицы по классификационному или родовому понятию;
- определить факторы, влияющие на характер употребления субстантивов в речи (статус говорящего, его социальные установки, позиция в ролевой структуре общения, отношение к предмету и адресату речи);

- выделить и систематизировать речевые акты, в которых употребляются исследуемые субстантивы.

Объектом настоящего исследования являются имена существительные с положительной этической оценкой человека.

Существительные, называющие этический признак имеют более сложную семантическую структуру, синтезирующую в себе и признаковый, и предметный характер, дополнительно осложненную оценочным компонентом значения. Агнетивы, в отличие от нейтральных обозначений человека, не только выделяют того или иного «нужного» индивида среди других, но и выражают то, что мы (говорящие) о нем думаем. С помощью характерных слов и оборотов можно передать широкий спектр чувств и отношений говорящего к именуемому лицу, дать оценку этическим и моральным качествам и поступкам [10, 46].

В дальнейшем в силу емкости, громоздкости и описательного характера наименования, мы будем использовать термин «позитивы». Полагаем, что введение данного наименования оправданно, так как оно отражает позитивную направленность анализируемых субстантивов и имплицитно включается в семантическую структуру рассматриваемых имен.

Предметом исследования является образно-ассоциативный, прагмалингвистический и семантический потенциал анализируемых позитивов.

Актуальность диссертационной работы определяется необходимостью дальнейших поисков понятийного аппарата, принципов и методов системного прагмалингвистического и категориально-семантического изучения способов, средств и правил языковой репрезентации образа человека во всем многообразии его состояний, действий, качеств с тем, чтобы реконструировать языковой образ человека как особый фрагмент языковой картины мира. Предлагаемое исследование, его ориентация на человека как носителя определенного рода качеств лежит в русле современной лингвистической парадигмы, на стыке антропологической лингвистики, лингвоаксиологии, этноцентричности и эгоцентричности.

Методика исследования. В настоящем исследовании реализован метод семантико-прагматического анализа субстантивов, выражающих положительный этический признак. Названный общий метод опирается на целый ряд конкретных приемов анализа языкового и речевого материала, среди которых: контекстуальный, компонентный, трансформационный; прием сопоставления данных словарей и текстовых смыслов слов и выражений; прием тематических и функциональных группировок фактов языка и речи; приемы сопоставления, объединения (интеграции) и дифференциации материала. На этапе подбора фактического материала использовался метод сплошной выборки из произведений художественной литературы, словарно-справочной литературы.

В качестве источников языкового материала для лингвистического эксперимента были использованы диалоги из текстов художественных

произведений с преобладанием бытовой тематики. Использование художественных текстов в качестве исследовательского материала представляется оправданным в силу того, что «литературный текст имитирует определенный тип коммуникации» и литературное произведение несет в себе большое количество сохраненных контекстов. Кроме того, изучение речевого акта комплимента на материале текстов художественных произведений является вполне обоснованным и целесообразным, так как авторы художественных произведений воспроизводят устную речь, интуитивно открывая и усиливая при этом в речи своих персонажей, как правило, именно те особенности, которые присущи в равной степени и живой речи. Подобной точки зрения придерживается и известный отечественный исследователь Ю.Н.Караулов, отмечая, что такого рода исследования «...не дают представления о конкретном авторе как таковом... В исследованиях подобного типа мы имеем дело с моделью языка вообще, языка соответствующей эпохи, но не языка отдельной личности» [59, 83].

Научная новизна исследования состоит в разработке и апробации категориального семантического и прагмалингвистического подхода к описанию языковых репрезентаций. Анализируемая нами группа позитивов не изучена как самостоятельная лексико-семантическая категория, с позиций современных подходов в семантике и прагматике, учитывающих их специфику в контексте реконструкции фрагмента образа человека в разных этнических культурах.

Теоретическая значимость исследования состоит в использовании относительно нового, категориально-семантического, теоретического подхода к описанию фрагмента языкового образа человека, в обосновании перспективности этого подхода. Полученные результаты могут считаться определенным вкладом в антропоцентрическую семантику.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов и материала при разработке общих и специальных курсов по семасиологии, антропологической лингвистике, обращенных к изучению и реконструкции образа человека в ЯКМ.

Апробация работы. Основные положения данной работы апробированы на международной научно-практической конференции «Русская филология: Язык – литература - культура» (ОмГПУ, г.Омск, апрель 2004); на республиканской научно-практической конференции «Социальные и гуманитарные науки в современном образовательном пространстве» (ПаУ, Павлодар, декабрь 2004); на научно-теоретическом семинаре, проводимом НИИ Языкознания (ПаУ, март 2004).

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, основной части, которая представлена тремя разделами, заключения и библиографического списка использованных источников.

Во введении кратко обосновывается актуальность темы и проблематики предпринятого исследования; определяются его объект, предмет, источниковая база; дается описание основного метода исследования,

его частных методик; определяются цель и задачи работы, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

Основная часть освещает теоретические вопросы, необходимые для обоснования избранного подхода к изучению исследуемых позитивов. В ней излагается анализ специфики прагмалингвистического и семантического аспекта русских и английских имен существительных с положительной этической оценкой человека в сопоставлении (выделены основные компоненты лексико-семантической информации; определены факторы, влияющие на характер употребления позитивов в речи; систематизированы речевые акты, в которых они употребляются)

В заключении формулируются наиболее общие выводы и намечаются перспективы возможного дальнейшего исследования.

РАЗДЕЛ 1 СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ЭТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКОЙ ЧЕЛОВЕКА

Язык располагает широким арсеналом средств для выражения оценочной деятельности человека. Основным языковым уровнем, способным выразить любые виды оценочных значений, является лексико-семантический. Благодаря семантике можно глубже проникнуть в сущность знака, выявив все многообразие содержащейся в нем информации, и более точно проанализировать его структуру. Роль семантики является детерминирующей в языке. «Любая теория языка, игнорирующая семантическую сторону, – подчеркивает Г.В. Колшанский, – не только не может быть адекватной теорией языка, но и вообще не может быть теорией языка, так как она в принципе противоречит природе самого объекта» [11, 12]. Издавна вера древнего человека в магическую силу слова послужила основанием для особого интереса к проблеме соответствия между словом и тем, что оно обозначает, и заставила задуматься над проблемой, почему слова становятся обозначениями вещей.

1.1 Особенности современной лексической семантики

Вопросы семантики издавна волновали умы многих лингвистов и философов. Каждый из периодов развития лингвистики, с доминированием тех или иных подходов (структурализм, когнитивизм), вносил свой вклад в развитие человеческого представления об одной из самых больших тайн – человеческом языке и материализации его мыслей через слова.

В настоящее время изучение данного языкового яруса приобретает планомерный характер и становится программой целых лингвистических направлений и школ.

А. Вежбицкая характеризует семантику как «деятельность, которая заключается в разъяснении смысла человеческих высказываний. Ее цель состоит в том, чтобы выявить структуру мысли, скрытую за внешней формой языка». Как утверждает автор, «язык переодевает мысли. И притом так, что по внешней форме этой одежды нельзя заключить о форме скрытой за ней мысли, ибо внешняя форма одежды образуется совсем не для того, чтобы обнаруживать форму тела».

Л.М. Васильев определяет семантику как «одну из самых актуальных и перспективных областей современного языкознания, что обусловлено, прежде всего, тем, что без разработки семантического аспекта языка невозможно глубокое понимание его природы, закономерностей его функционирования и развития, его связи с мышлением и поведением человека» [18].

Принято считать, что термин «семантика» был введен в IX веке для обозначения лингвистической дисциплины, которая связана со значением и

означиванием, его создателем является французский ученый, Мишель Бреаль, выпустивший в Париже в 1897 г. труд под названием «Essai de sémantique», где термин и был употреблен впервые.

Основоположником современной лингвистики, оказавшим определяющее влияние на формирование современных направлений в изучении семантики слова, считают Ф. де Соссюра. Теория Соссюра позволила выделить синхронный и исторический аспекты рассмотрения семасиологических явлений и разграничить предмет синхронной и предмет исторической семасиологии. Основным положением в теории Соссюра явилось понятие ценности языкового знака, которая определяет отношение данной единицы к другим единицам и проявляется в ее противопоставлениях этим единицам, что позднее легло в основу разработки формальных процедур идентификации единиц языка в дескриптивной лингвистике. Теория Соссюра определила направления последующего изучения семантики слова.

В лингвистике определились различные исследовательские подходы к изучению семантики слова. А.А. Уфимцева выделяет «два основных, противоречащих друг другу подхода в изучении так называемого вещественного значения слова – словоцентрический и текстоцентрический». При первом подходе слово рассматривается «как номинативная единица и как элемент лексико-семантической системы языка», его основной целью является всесторонний анализ вещественного значения слова. При текстоцентрическом изучении языкового содержания его анализ имеет обратный порядок: в направлении от речевых единиц, от текста к рассмотрению категориальной и индивидуальной семантики слова в той мере, в какой последняя детерминирует смысл отдельного высказывания или текста в целом. Лексическое значение в этом случае изучается попутно, как субстрат, предопределяющий смысл речевой единицы и «наполняющий» конкретным лексическим содержанием обобщенные модели синтагматических связей членов и частей предложения» [19, 10].

Таким образом, разделом семантики, в котором изучается значение слов как единиц лексической подсистемы языка и как единиц речи, является лексическая семантика. Известно, что лексическая семантика ориентирована на употребление слова, это наука о значении слова, о структуре этого значения, о закономерных смысловых отношениях между словами и группами слов. Определение *лексическая* при термине *семантика* необходимо для того, чтобы отграничить данное направление от других, которые имеют своими объектами значения морфем и их смысловые взаимоотношения в составе слова, значения синтаксических конструкций и соответствующих этим конструкциям словосочетаний и предложений. Объектом исследования в лексической семантике является слово, рассматриваемое со стороны означаемого. В означаемом же слова представлены все содержательные компоненты: сигнификативный, денотативный, коннотативный и прагматический. Раньше слово трактовалось как автономная сущность, которую можно было описывать и анализировать, вырвав из контекста, искусственно изолировав от фразы. Как утверждает А.

Вежицкая, «традиционная семантика занималась довольно бессистемно то значениями индивидуальных выражений, то изменениями значений. Что касается современной семантики, то основным предметом ее внимания является семантическое представление: вместо того чтобы говорить о значениях (и изменениях значения), она стремится моделировать их и представлять в виде эксплицитных формул».

«Главное отличие современной лексической семантики от традиционной лексикологии в ее подходе к значению слова, который состоит в том, что описание значений слов понимается как интегральная часть полного описания языка (полное описание языка – формальное устройство, моделирующее языковое поведение людей)» [12, 80].

Ю.Д. Апресян находит, что «отличие современной лингвистической семантики от классической состоит, прежде всего, в том, что она интересуется не только и не столько значениями отдельных слов, сколько значениями целых предложений» [14, 42]. Как заметил А.К. Жолковский, владение значениями слов проявляется у говорящего в способности по-разному выразить одну и ту же мысль, а у слушающего – в способности понять семантическое тождество внешне различных высказываний. Для объяснения этой способности человека Ю.Д. Апресян предполагает существование «семантического языка», «на котором мысль записывается и хранится в психике человека», который имеет «некоторые элементарные семантические признаки (семантические компоненты, семантические множители)». В общем случае, считает Ю.Д. Апресян, «значение слова является не простой совокупностью множителей, как думали раньше, а определенным образом упорядоченной их последовательностью или последовательностями. Одна и та же совокупность множителей, расположенных в разном порядке, дает разные слова или сочетания слов естественного языка» [14].

Как уже было отмечено выше, современная лексическая семантика выделяет как один из составляющих элементов лексико-семантической информации прагматический компонент (этот термин мы используем вслед за И.М.Кобозевой), в традиционной семантической интерпретации при рассмотрении значения слова этот момент не учитывался. Данный аспект значения стал объектом пристального внимания исследователей сравнительно недавно (до сих пор еще не существует однозначного термина подобному семантическому явлению), в связи с общей переориентацией лингвистических исследований – переходу от анализа языка как системы знаков к анализу функционирования этой системы в речевом общении. Иными словами, современная семантика имеет коммуникативную направленность.

Основная задача современной коммуникативной семантики состоит в изучении семной структуры языковых единиц и ее модификаций в речи. Как известно, языковое значение слова представлено в виде лексико-семантических вариантов в речевой деятельности говорящего индивида. В свою очередь семная структура лексико-семантических вариантов

подвергается различным комбинаторным изменениям уже на уровне индивидуальной речевой деятельности, в результате чего слова выступают не только в своих традиционных значениях, но и в них появляются новые коммуникативные смыслы, которые чрезвычайно важны с точки зрения сообщения [13, 52]. При словоупотреблении реализуется «актуальный смысл» слова (семная вариация лексико-семантических вариантов слова), который может быть традиционным и нетрадиционным (окказиональным). В отдельных случаях окказиональный смысл слова в речи может оказаться прямо противоположным его языковому значению, слово подвергается эмоционально-оценочному варьированию (переосмыслению) вследствие наведения поляризованных коннотативных (эмоционально-оценочных) сем в семной структуре лексико-семантических вариантов. Это лингвистическое явление, при котором слово, сохраняя план выражения, варьирует план содержания под воздействием прямо противоположных окказиональных коннотативных сем. Появление коннотативных сем обратной направленности может сопровождаться определенными качественными изменениями в составе денотативных сем. Эмоционально-оценочное варьирование слова в речи определяется его языковой семантикой и коммуникативными условиями, в которых оказывается слово.

Семную структуру лексического значения можно представить в виде набора ее смысловых компонентов, или сем (от греч. *sema* «знак») – своеобразных «кусочков смысла». Разложение значения на части – иначе называемое семантической декомпозицией – является, по сути, единственной возможностью его описания, поскольку любое толкование слова, представляет собой не что иное, как более эксплицитное, т.е. развернутое перефразирование заданного смысла. Как известно, «ни одна адекватная теория смысла не может обойтись без процедур, обеспечивающих в той или иной степени компонентный анализ значений» [14, 77]. Описание лексического значения слова путем установления смысловых компонентов этого значения получило в лингвистике название компонентного семантического анализа. Компонентный анализ значений представляет собой анализ иерархически упорядоченной структуры значения, способ разложения значения – основной единицы лексико-семантического уровня языка – на еще более мелкие элементы (сему, атом смысла, фигуру содержания, дифференциальный признак, семантический маркер, нозму, семантический множитель, компонент значения), из которых конструируется данное значение. Эти элементы, в большей или меньшей степени понимаемые в лексикологии как синонимичные, конструируют данное значение слова [15, 5].

Достоинство анализа по семам заключается в том, что он представляет собой более глубокий уровень проникновения в семантику слова, позволяющий проследить процессы семного варьирования языковых единиц в речи.

1.2 Содержательные компоненты лексического значения слова

Согласно общепринятой в современной лингвистике точке зрения, слово обобщает (через сигнификативную функцию), называет или обозначает (через денотативную функцию), выражает чувства говорящего и слушающего (через эмотивную функцию) [16, 39]. Эти функции слова выступают в единстве, поэтому и семантика слова представляет собой внутренне членимое единство всех ее компонентов, ни предельное количество, ни типология которых до настоящего времени не являются абсолютно установленными фактами [17, 29].

Как уже было отмечено нами выше, в означаемом слова представлены все содержательные компоненты, или слои лексического значения: денотативный, сигнификативный, коннотативный и прагматический. Причем в пределах некоторых из названных слоев могут быть выделены более подробные субкомпоненты по характеру заключенной в них информации.

Наиболее существенные части лексического значения, его денотат и сигнификат, как обязательные, изучены довольно широко. Что же касается так называемого коннотативного и выделяемого сравнительно недавно прагматического компонентов значения, в судьбе которых превалируют экстралингвистические факторы, то они остаются до сих пор наименее изученными. Данные лексико-семантические компоненты тесно взаимосвязаны друг с другом, в настоящее время они отождествляемы многими исследователями-лингвистами, но на наш взгляд, все же дифференциация подобных явлений необходима, что мы и попытались сделать ниже.

Остановимся подробнее на каждом из компонентов лексико-семантической информации, отмечая при этом, как они соотносятся с лексическим значением исследуемых нами позитивов.

1.2.1 Сигнификативный компонент

Как утверждает исследователь И.М.Кобозева, «сигнификативный слой, связан не с окружающей нас действительностью, а с ее отражением в сознании человека» Несомненно, язык служит для того, чтобы с его помощью человек мог сообщить что-то о вещах, существующих или происходящих в мире. Однако сущность слова-лексемы заключается не в том, что оно обозначает вещь или соотносится с вещью, а в том, что оно репрезентирует некоторую абстракцию как результат познавательной деятельности человека. В значении слова находит отражение не весь предмет в целом, но только небольшое число признаков или свойств предмета или даже одно из множества присущих ему свойств [12, 81]. Именно **совокупность существенных признаков, обозначаемых словом, называется сигнификатом** слова. Сигнификат языкового выражения соответствует «наивному» понятию о сущностях, именуемых данным выражением.

Сигнификат слова – ядро его лексического значения. Толкования значений в толковых словарях описывают, прежде всего, сигнификативный слой значения слова, репрезентируя совокупность существенных признаков обозначаемых словом объектов. Сигнификат слова также может быть представлен не только как совокупность существенных признаков, по которым выделен класс сущностей, именуемых данным словом, но и как набор необходимых и достаточных условий применимости – условий, которым должен соответствовать объект для того, чтобы его можно было обозначить с помощью данного слова.

Описать лексическое значение слова значит, прежде всего, определить его сигнификативное значение.

А.А. Уфимцева утверждает, что сигнификат имплицитно подразумевает понятийный признак, значимую сторону семантики полнозначного слова, ее понятийную основу, то есть представляет собой понятие [19, 91].

Таким образом, сигнификатом исследуемых нами наименований в наиболее обобщенном виде, реализуемых ими признаков и свойств будет тот специфический для каждой отдельной единицы набор индивидуальных признаков, который будет характеризовать человека как морально положительного (доброта, наивность, открытость, кротость, чистосердечность, прямота, доброжелательность, праведность, трудолюбие, отвага, желание помочь, примирить и т.д.).

1.2.2 Денотативный компонент

Существование у слова денотата, или денотативного значения, обусловлено предметностью человеческого мышления, его обращенностью к миру. Предметный мир, отражаемый в языковом значении лексемы, мыслится широко и включает в себя не только реально воспринимаемые объекты внеязыковой действительности, но и другие виды означаемых – чувства, эмоции, психические состояния, признаки, отношения. Как утверждает О.А. Ахманова, денотату соответствует понятие «экстенционал» – номинативная сторона языковой единицы, рассматриваемая в плане ее соотносимости с индивидуальными предметами [20, 524]. Денотат стоит на ступень ближе к объективной действительности по сравнению с сигнификатом, обозначая видимое, слышимое, осязаемое. По мнению А.А. Уфимцевой, следует выделять две модификации денотата:

1. Денотат как предмет именованного является **типизированным представлением** об уникальном или серийном предмете как целостной сущности.
2. Модификацией этого понятия (денотатом) является **реальный предмет**, подпадающий под данный денотат и выступающий в роли его конкретного экспонента в столь же конкретном высказывании в речи (материальный денотат), т.е. референт слова в речи.

Возможна и такая трактовка денотата, при которой он определяется как связанный с данным словом в сознании носителя языка целостный образ типичного, эталонного представителя соответствующего данному слову класса сущностей.

Будучи употребленным в речи, слово обретает способность указывать на объекты и явления мира дискурса, то есть иметь актуальный денотат, или **референт**. В отличие от словоупотребления, лексема, как единица лексической системы языка, референта (актуального денотата) не имеет. Лексема приобретает его в составе высказывания (превращаясь при этом в словоупотребление). Разные лексемы обладают различным референционным потенциалом, то есть способностью, будучи употребленными в речи с нулевым актуализатором, иметь тот или иной тип референта. Существующие ограничения референционного потенциала являются индивидуальным свойством лексемы и потому должны рассматриваться лексической семантикой как тип лексической информации денотативного характера [12, 86].

Денотативный компонент значения имени существительного, имплицитно предпосылает предметную отнесенность знака, вызывая предметное представление некоей субстанции, вещи, лица, очерчивая таким образом круг референции данного слова в речи [19, 106]

Таким образом, **денотативным компонентом** значения анализируемых нами лексических единиц является его соотнесенность с лицом, то есть человеком, однако его референционный потенциал будет ограничен. Возьмем для примера позитивы типа: *добродей, храбрец, гуманист* и предположим, что при них отсутствуют актуализаторы денотативного статуса, будет очевидно, что они не могут употребляться с целью обозначения лица или группы лиц, а употребляются только предикатно, ср. аномальность предложения 1 при правильности 2,3 и 4.

1. *Храбрец спас ребенка из огня*
2. *Василий - настоящий храбрец.*
3. *Какой-то храбрец спас ребенка из огня.*
4. *Тот парень, спасший ребенка из огня – настоящий храбрец.*

Итак, предмет и понятие – два взаимодействующих фактора, определяющих лексическое значение слова. И если не считать каких-то особых, исключительных случаев, то можно сказать, что эти два фактора действуют поистине «рука об руку». Сигнификативный и денотативный компоненты в знаковом значении слова как абстрактное и конкретное не противопоставляются, а наоборот, могут и должны рассматриваться не как взаимоисключающие, а как взаимосвязанные.

Однако, по мнению исследователя А.А. Уфимцевой, разграничивать сигнификативный и денотативный компоненты является необходимым условием разграничения отображения предмета, с одной стороны, его свойств и характеристик, с другой [19, 95]. Не стоит преуменьшать значение и других

слоев содержательной структуры слова. Так, например, учитывая характер анализируемых нами единиц, нельзя не упомянуть **прагматический аспект**, характеризующий его через эмоционально-оценочные отношения говорящего.

1.2.3 Прагматический компонент

И денотат, и сигнификат слова, хотя и по-разному, отражают в составе значения именуемый данным словом объект реального или воображаемого мира. И в этом плане они противостоят прагматическому слою значения слова, который содержит информацию об отношении человека, использующего данное слово, к обозначаемому словом объекту или к адресату сообщения, а также специфическую для данной лексемы информацию о тех речевых действиях, которые можно осуществлять с ее помощью (о ее прагматических функциях).

В литературе по лексической семантике нет единого общепринятого термина для обозначения этого слоя значения, также как нет единства и в вопросе о том, какие явления относятся к этому слою и как их описывать. **Прагматический слой значения**, или прагматическое значение языкового выражения – это содержащаяся в нем **информация об условиях его употребления** – многообразных аспектах коммуникативной ситуации, в которых оно используется. В число этих аспектов входит и отношение говорящего к денотату языкового выражения, и отношения между говорящим и адресатом (например, степень близости), и обстановка общения (например: официальная/неофициальная) и цель, которой говорящий хочет достичь с помощью своего высказывания, и многие другие параметры, так или иначе связанные с «Я» субъекта речи [12, 60].

Большинство слов языка не содержат в своем значении информации об отношении говорящего к тому объекту или явлению, которые они обозначают. Ср. такие слова как *политик*, *смотреть*, *проект* и т.д. Но наряду с ними существуют слова, в значении которых отражаются эмоционально-оценочные отношения говорящего к обозначаемому объекту. Так, существительное *политикан* – политик, взгляды и способ действий которого говорящий осуждает. Используя лексические единицы подобного характера, говорящий **одновременно характеризует объект и выражает** свое отношение к нему. Слова, в которых эмоционально-оценочное отношение содержится в прагматическом компоненте лексического значения (и значит, это всегда отношение говорящего, а не кого-либо еще), следует отличать от других типов слов, лексическое значение которых иначе связано с эмоциональным и оценочным отношением. В этой связи, прежде всего, следует обратить внимание на слова, в которых эмоциональное отношение или оценка относятся к денотативному и/или сигнификативному слою их значения. Слова такого типа ничего не сообщают об отношении говорящего к обозначаемому данным словом явлению. Например, слова, типа *любить*,

ненавидеть и т.д. Так, употребляя предложение *Катя любит Сашу*, говорящий никак не выражает своего отношения ни к Саше, ни к Кате.

Единицы, рассматриваемые в этом параграфе, имеют очень зыбкую границу с теми категориями, которые рассматриваются в коннотативной области лексического значения. У ряда авторов наблюдается сближение и даже отождествление коннотации с прагматическим компонентом значения [21, 58]. Коннотация, по их мнению, характеризует акт коммуникации и его участников, отношения между ними их отношение к предмету речи, фон общения и т.д.

В основе сближения подобных семантических сущностей лежит их субъективность, «привязанность к психике говорящего» [28, 135]. Тем не менее, эта субъективность антропоцентричность разнопланова: в коннотации она создается за счет личностных смыслов эмоционального, оценочного, экспрессивного, а в прагматическом аспекте ориентирована на говорящего как участника речевого акта во всей совокупности коммуникативных характеристик: иллокутивной цели, обстоятельств ситуации и т.д. [22, 37].

Будучи ориентированными на говорящего как участника речевого акта во всей совокупности его коммуникативных характеристик, исследуемые позитивы реализуют категорию наименований, которая содержит информацию об отношении человека, использующего данное именование к адресату сообщения, т.е. каждый раз употребляя ту или иную единицу подобного характера, говорящий выражает свое отношение к обозначаемому данной единицей объекту, проявляет свою жизненную позицию, свои склонности и интересы. Говорящий, или адресант предстает как активная мыслящая, созидаящая личность, осмысляющая ту или иную сторону бытия. Здесь важно подчеркнуть психологическую основу – мотивацию того или иного действия, поступка человека как субъекта. Например, не о каждом человеке можно сказать *«He is a real man»* (Он - *настоящий мужчина*); *«Таких добряков еще поискать»* или *«Хороший хозяин, и в то же время широкая натура, просто человеколюбец»*. Используя именно эти лексические единицы, говорящий, прежде всего, **выделяет** адресата среди других, **одновременно характеризует** объект как лицо, отличающееся мужеством, твердостью духа (в первом случае); очень доброго человека, расположенного к людям, отзывчивого, исполненного доброты и сочувствия (во втором); или того, кто любит людей, готов помочь им (в третьем) **и выражает** свое отношение восхищения, определенного преклонения перед подобными качествами. Очевидно, что данные высказывания имеют общие категории в прагматическом отношении, и прежде всего это касается характера речевого акта, в котором они употребляются.

Имея очень тонкую грань с теми категориями, которые рассматриваются в коннотативной области лексического значения, в основе которой лежит та же субъективность, что и в прагматическом компоненте, необходимо проанализировать и этот семантический аспект значения исследуемых позитивов.

1.2.4 О соотношении оценочности, экспрессивности и эмоциональности как элементов коннотативного компонента значения

Вопрос о соотношении оценочности, экспрессивности и эмоциональности как аспектов значения слова, рассматриваемых семантикой, до сих пор остается дискуссионным. Оценочные и эмотивные конструкции могут являться результатом соотнесенности с культурными установками, фоновыми знаниями носителей языка. Существуют разные точки зрения на состав компонентов коннотативной семантики. Разделяя точку зрения З.К. Темиргазиной, мы считаем, что ни оценочность, ни экспрессивность, ни эмоциональность не могут быть исключены из круга коннотативных значений в силу «прагматичности, неденотативности своей семантики, тем более на основании признаков неотделимости, несамостоятельности, представляющихся нам несущественными для статуса компонента коннотации» [22, 37].

Будучи рассматриваемыми в кругу коннотативного аспекта значения, категории оценочности, экспрессивности и эмоциональности, как отмечает Ю.Д. Апресян, являются «узуальными, а значит, культурно-обусловленными» [24, 159]. Коннотация является неоднородной многокомпонентной сущностью, дополнительной по отношению к денотативному (концептуальному, когнитивному) смыслу, иногда противопоставляемой ему [25]. В работе «Коннотативный аспект семантики номинативных единиц» В.Н. Телия определяет коннотацию как «семантическую сущность, узואльно илиokkaционально входящую в семантику языковых единиц и выражающую эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности, при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [26, 216].

В лингвистической традиции оценочная и экспрессивная семантика прочно занимает место в кругу коннотативных значений, и действительно она не может быть исключена из этого аспекта в силу своей прагматичности. Входя в состав коннотативной семантики, подобные явления объединяются общими признаками: во-первых, они являются типами (хотя и разными) субъективного отношения говорящего к сказанному, во-вторых, выполняют прагматическую функцию воздействия на адресата (именно эти черты во многом сближают прагматический и коннотативный компоненты значения).

Оценочная, экспрессивная и эмоциональная категории коннотативного значения взаимосвязаны, эта взаимосвязь обусловлена социально, т.к. данные категории фиксируют определенные способы отражения реальной действительности, являются средствами актуализации речевого общения [27, 13].

Исходя из классического определения, данного Е.М. Галкиной-Федорук: «Экспрессия – это усиление выразительности, изобразительности, увеличение воздействующей силы сказанного. Это все, что делает речь более яркой, сильно действующей, глубоко впечатляющей, является экспрессией речи» многие лингвисты связывают понятие экспрессивности с понятием

выразительности. Экспрессивностью обычно называют выразительные качества речи, отличающие ее от стилистически нейтральной, придающие ей эмоциональную окраску и образность. Эти качества сообщаются речи разнообразными изобразительно-выразительными средствами. Зачастую экспрессивное и эмоциональное не разграничиваются, воспринимаются нерасчлененно, хотя задача разграничения этих понятий была выполнена еще Е.М. Галкиной-Федорук, которая отметила возможность существования экспрессивного без эмоционального: «выражение эмоции в языке всегда экспрессивно, но экспрессия в языке не всегда эмоциональна». Следовательно категория экспрессивности шире категории эмоциональности, в содержательном отношении она связана также и с оценочностью, и с образностью. Эмоциональный характер оценочности обуславливается тем, что в большинстве случаев усиление, подчеркивание смысла основывается на особом повышенном эмоциональном состоянии говорящего: приподнятости, воодушевлении, эмоциональном подъеме [22, 38].

Если оценочность и эмоциональность, входя в высказывание, увеличивают и обогащают его общий информативный объем новым содержанием, то экспрессивность лишь усиливает заданный высказыванием смысл. В речевых актах экспрессивность направлена на то, чтобы усилить эмоциональное воздействие на собеседника или увеличить перлокутивный эффект оценочного высказывания, отсюда можно сделать вывод о том, что экспрессивность составляет характерный признак речевых актов, где оценка выступает как основная иллокутивная сила [22, 40].

Понятие оценки тесно переплетается с понятием образности, как одним из компонентов экспрессивности. Характеристика образного языкового явления связана с описанием его эмоционально-оценочных качеств. Одними из важных черт образности являются наглядность и сравнительная недолговечность, которая из всех семантических признаков является самым неустойчивым. В лексике с точки зрения наличия или отсутствия оценочности и образности выделяются три группы слов: слова оценочные, не образные; образные, не оценочные; оценочные и образные.

Языковая оценка в зависимости от ее природы (основания) и характера может быть трех видов или трех типов. Выделение трех видов оценки (нейтральной, положительной и отрицательной) обусловлено характером отношения субъекта оценки к познаваемому объекту и, следовательно, признанием оценки обязательным компонентом структуры значения слова. По мнению Н.Д. Арутюновой, эмоции являются субъективной формой оценки предметов и явлений действительности, они тесно связаны с потребностями человека, лежащими в основе мотивов его деятельности.

Анализ оценочных структур показал, что вопрос о семантике оценок затрагивает множество различных аспектов языка и речи. Оценочная структура включает целый ряд элементов, обязательных (субъект оценки, объект оценки, основание оценки и вводящие оценку эксплицитные или имплицитные “иллокутивные силы”) или факультативных. Все элементы оценки зависят друг от друга и функционируют взаимосвязано, определяя

общее построение квалификативной (оценочной) структуры. Важно подчеркнуть, что квалификативная структура не существует отдельно от денотативной, они образуют слияние, амальгаму, где часть элементов накладывается друг на друга [7, 69].

В целом описание лексической семантики имени существительного через компоненты его знакового значения позволяет рассмотреть как целое потенциальный и реальный аспекты полнозначного словесного знака. Детальное изучение диалектического единства чувственно воспринимаемых и сугубо понятийных, в том числе категориальных ономастических признаков формирующих лексическое содержание различных по характеру внутренней организации семантики слов, помогает увидеть не только системные параметры, но и предугадать перспективу коммуникативного их назначения [19, 133]. Значение имени существительного, имеющего в основе понятие предметности, носит абсолютный семантически самодостаточный характер, даже в тех случаях, когда они обозначают опредмеченный признак.

Имена, призванные самой природой языка обозначать субстанции, характеризовать предметы, антропонимы, в большинстве своем именуют всевозможные признаки, свойства и качества людей. Получается, что имена лиц обладают не только предметным, но и признаковым значением. В особенности это касается так называемых качественных существительных, то есть имен обозначающих не просто предмет, а качественную признаковую характеристику, в нашем случае характеристику человека. Следует отметить следующую их черту: по характеру своей семантики они занимают срединное положение между именами естественных родов и именами номинативных классов с их наиболее типичными представителями.

РАЗДЕЛ 2 ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ЭТИЧЕСКОЙ ЦЕНКОЙ ЧЕЛОВЕКА

В связи с оформлением в языкознании последних десятилетий новой коммуникативно-прагматической исследовательской парадигмы, опирающейся на принцип деятельности, можно говорить о возможности прагматического подхода к единицам всех языковых уровней, в том числе и к единицам лексического уровня. Слово, согласно известному тезису Л.С. Выготского, воплощает в себе единство обобщения и общения, коммуникации и мышления [30, 5]. Как известно: «И семантика и прагматика связаны со значением языкового знака, но различие между ними трактуется с точки зрения разных пониманий глагола «значить». Семантика отвечает на вопрос «что означает?» Прагматика отвечает на вопрос «Что вы хотите сказать, употребив слово?». Дж. Олвуд считает, что, вероятно, было бы лучше отказаться от этого противопоставления в пользу семантико-прагматического подхода, при котором основной функцией языкового значения признавалась бы его контекстуальная адаптируемость [30, 16]. Вслед за исследователем мы тоже признаем наличие сложной диалектической связи между семантикой и прагматикой

Прагматика различно определялась и определяется разными исследователями-лингвистами: это наука об употреблении языка (Leech, 1985), исследование языка (или любой другой системы коммуникации) с точки зрения преследуемых целей, различных способов их достижения и условий, при которых эти цели достигаются (Parisi, 1981), теория, изучающая прагматические параметры литературной коммуникации (Арутюнова, 1981) ит.д.

Существенной с точки зрения лингвопрагматики является теория интерпретации речевых актов. Речевые акты рассматриваются в работах многих авторов (Austin, 1962; Searle, 1975; Beck, 1980; Kreckel, 1981; Clark, Carlson, 1982; Partridge, 1982; Weigand, 1989; О.Г.Почепцов, 1986; Романов, 1988 и др.). Раскрывая методологические основы теории речевых актов, В.В. Лазарев доказывает, что речевой акт есть языковое выражение субъектно-объектных отношений в познавательно-практической деятельности человека: "Отношение говорящего к коммуникативному факту представляет собой либо его оценку, либо активную деятельность, направленную на адресата" [30, 23].

Мы будем исходить из широкого понимания прагматики как науки, изучающей язык с точки зрения использующего его человека в аспекте выбора языковых единиц, ограничений на их употребление в социальном общении и эффекта воздействия на участников коммуникации.

Объектом настоящего исследования являются имена существительные, выражающие положительную этическую оценку человека. Человек в ценностной картине мира занимает двойственное положение: он выполняет роль субъекта оценки и выступает в роли объекта. Ценностное отношение в этом случае носит интерперсональный, межличностный характер [22, 144].

Одним из важнейших особенностей субъектно-объектного отношения в оценочном акте выступает разделенность субъекта и объекта, определенная дистанция между ними, они не могут совпадать. Автономность существования субъекта и объекта ценностного отношения реализуется в оценке человека глазами другого человека, в оценке со стороны, говорящий не может быть сам объектом оценки. Иными словами, **прототипической** для оценки является ситуация, когда говорящий оценивает другого человека – собеседника или третье лицо, не участвующее в разговоре. К **непрототипическим** относятся ситуации, во-первых, когда в высказывании передается оценка человеком (не говорящим) другого лица, а во-вторых, когда говорящий оценивает себя сам, то есть осуществляется акт самооценки [6, 23]. Таким образом, реализуя определенного рода оценку (в нашем случае этически положительную) анализируемые нами единицы выражают отношение употребляющего данные наименования (то есть говорящего) к тому, кого они характеризуют. Оценка является одной из важнейших лингвистических категорий, принимающих участие в организации языкового общения. Специфичность подобных наименований заключается в том, что в их структуре совмещаются семантический и прагматический компоненты. Для признаковых субстантивов, так же как и для непосредственно прилагательных характерно наличие субъективно-оценочных значений и соответствующих коннотаций.

Положительная оценка человека (впрочем, также как и отрицательная) обладает субъективным характером и рассматривается в ценностной картине мира, которая, отражаясь в языке, входит как фрагмент в наивную модель мира. Следовательно, из воссозданного, реконструированного в языковой модели представления о человеке, его составляющих, ценностная картина охватывает лишь отдельные стороны человека, входящие в систему аксиологических отношений, существенные с аксиологической точки зрения. В ценностную картину мира входят, во-первых, аксиологически релевантные внешние признаки человека («тело») и, во-вторых, аксиологически релевантные внутренние свойства («дух»): моральные и интеллектуальные качества, профессионально-трудовые характеристики, эмоциональная характеристика человека, а также деятельностная сторона личности – поведение и речь [6, 19]. Иными словами, в аксиологической модели человека присутствует эстетическая оценка его внешности, оценка интеллекта, эмоциональной стороны личности, а также этическая или нравственная оценка, которая, на наш взгляд, является определяющей среди остальных. Вслед за З.К. Темиргазиной, мы считаем, что при общей аксиологической характеристике человека в русском языковом сознании доминирует оценка его нравственных качеств [6, 38]. Моральные оценочные суждения являются результатом социальной интеракции людей, в ходе которой вырабатывались этические нормы и предписания, отражающие моральные ценности – добродетели и пороки – того или иного общества и регулирующие межличностное общение. Знание и владение коммуникантами системой закрепленных в социуме этических ценностей определяет национальную

сторону моральных оценочных суждений.

Однако в реальной практике в межличностной коммуникации люди не всегда руководствуются только разумом и рациональными мотивами оценки. При оценке одного человека другим значительную роль играет эмоциональный фактор, определяющий приятие (симпатию) или неприятие (антипатию) личности другого [6, 43]. По мнению Л.О. Чернейко, в распоряжении говорящего находится весь арсенал аксиологических единиц языка, и хотя официально принятый стандарт оценок существует, решающим оказывается его собственный голос. Межличностные восприятия, в отличие от восприятий неодушевленных предметов, характеризуются преобладанием эмоциональных компонентов над когнитивными, то есть пристрастием, субъективностью [33, 43-45]. Лексические единицы, относящиеся к исследуемой категории позитивов, оценивают человека, главным образом, по его личностным свойствам и поведению, по тому, в какой степени они соответствуют нормам морали и этики, а суждения об этике, тем более относительно другого человека всегда выражаются в форме непосредственно эмоциональной оценочной реакции говорящего.

Сказанное позволяет предположить, что подобные существительные, обозначающие признак (в нашем случае этически положительный), сочетают оценочный смысл с признаковым, однако в каждом из исследуемых субстантивов соотношение этих двух компонентов смысла определяется доминантой функциональной системы смысла, создаваемой в речевых процессах и репрезентированной в речевых произведениях, а потому не остается константным. При этом важно подчеркнуть, что для исследуемых лексических единиц доминирующим в речевой деятельности является представляемый ими эмоциональный компонент: они всегда выражают положительную, этическую оценку предметов и явлений действительности.

Таким образом, нас уже больше интересуют не отдельные субстантивы, а та ситуация, в которой они употребляются, то кем эти единицы используются, на кого они направлены (то есть кого конкретно они характеризуют) и с какой целью они употребляются в речи. В связи с этим задача усложняется, теперь это не просто лексические единицы с характерным для них набором семантических категорий, а гораздо более сложные образования, которые участвуют в организации коммуникативных (речевых) актов.

В свою очередь и теория речевых актов постулирует в качестве основных единиц человеческой коммуникации не отдельные слова или даже предложения, а многоплановые по своей структуре определённые речевые действия (локутивные акты), выступающие в качестве носителей определённых коммуникативных заданий (т.е. в функции иллюкутивных актов) и направленные на достижение определённых эффектов (т.е. в функции перлокутивных актов) [31, 6]. Иначе говоря, структура речевого акта представляет собой три взаимосвязанных уровня, выделяемых в зависимости от отношения к различным компонентам речевого общения.

Современная лингвистика в целом формируется как

антропоцентрическая, иначе говоря, языковые процессы ставятся в зависимость от потребностей коммуникативной деятельности, что предполагает учет именно "человеческого фактора", когда субъект речи и ее реципиент включаются в списание языковых механизмов. На восприятие текста может сказывать влияние прошлый опыт коммуникантов, который задает ожидание и прогнозирует вероятность появления в тексте какой-либо информации; их образовательный уровень как часть прошлого опыта и личностное отношение к сообщаемому, организующее выборочный характер восприятия; существующие в данной коммуникативной среде стереотипы и предрассудки; а также тезаурус и фоновые знания участников коммуникации.

То есть подход к тексту с позиций речевой деятельности предполагает учет фактора языковой личности, фактора коммуникативной ситуации, а также дает возможность осуществить психолингвистический эксперимент.

Исследование любых лексических единиц в прагматическом аспекте, то есть с точки зрения уместности их употребления в зависимости от ситуации общения и целей, к достижению которых стремится говорящий, позволяет говорить о так называемом функциональном направлении в языке, перед которым стоит задача выявить внутренние закономерности, коим подчиняется выбор и адекватное употребление той или иной лексической единицы в каждом конкретном коммуникативном акте.

2.1 Факторы, влияющие на характер общения (ситуация общения, статус говорящего, его социальные установки, позиция в ролевой структуре общения, отношение к предмету и адресату речи)

Выявление разного рода внутренних закономерностей при анализе высказываний предполагает исследование прагматических ситуаций с учетом таких параметров, как место, время, цели, намерение говорящего, его социальное положение, профессия, пол, возраст [30, 18]. На наш взгляд, под коммуникативной ситуацией следует понимать ряд экстралингвистических обстоятельств и характеристик коммуникантов, создающих среду осуществления конкретного акта коммуникации. Также необходимо отметить, что «У каждого жителя страны, - как писал Р. Музиль в «Человек без свойств», - имеется, по крайней мере, девять характеров: профессиональный, национальный, государственный, классовый, географический, половой, сознанный, неосознанный и еще, может быть, частный, которые он в себе соединяет...».

Иначе говоря, по тому, что говорит человек и как он это делает (какие языковые, речевые приемы и средства он использует), можно многое сказать о нем (т.е. говорящем), целью которого является построение осмысленного высказывания как целостной коммуникативной единицы. Таким образом, человеческая речь как лакмусовая бумажка проявляет многие стороны личностной сущности.

Имея целью, выявление внутренних закономерностей, которым подчиняется адекватный выбор и употребление лексической единицы в

типизированной ситуации общения, при прагматическом анализе особую роль приобретает выявление ограничений на употребление.

Для того чтобы определить эти ограничения, необходимо учитывать факторы двух порядков: содержательного и функционального. Очевидно, выбор и употребление диктуется, с одной стороны, спецификой значения языковых единиц, с другой стороны, спецификой социального взаимодействия коммуникантов в различных ситуациях общения.

Ср. примеры:

- - *Что тут говорят о Варе? Наверно опять говорят, что она душечка* (в значении: приятный, милый человек), *да?* (Симонов, «Парень из нашего города»);
- - *Славный у тебя комбат, умный офицер*
- *Орел* (в значении: мужественный человек, отличающийся отвагой)! (Березко «Ночь полководца»);
- - *Эх, не доверяю я этому маменькину сынку.*
- *Не переживайте, пацаны, он чувачок что надо!* (в значении: не предаст, не подведет, на него можно положиться);
- - *Ну, ты Олежа - реальный пацан!* (в значении: личность как воплощение высоких моральных качеств для людей данной социальной группы).

Очевидно, что данные выражения имеют место быть в совершенно разных ситуациях, то есть реализуют различную обстановку и место коммуникативного акта, хотя и имеют общий предмет и цель коммуникации - этическую оценку индивида.

Таким образом, при разработке типологии факторов, ограничивающих употребление лексических единиц в различных ситуациях общения, необходимо учитывать **статус социальной дифференциации языка**, в основе которого лежит существование двух видов социальной вариативности: стратификационной (по вертикали) и ситуативной (по горизонтали).

При выборе той или иной единицы вступают в действие такие параметры, как социальный статус говорящего, его позиция в ролевой структуре общения, его отношение к предмету и адресату речи (социальные установки).

Под статусом, вслед за А.Д. Швейцером, мы понимаем комплекс постоянных социальных и социально-демографических признаков, характеризующих индивида. В аспекте **стратификационной вариативности** необходимо учитывать специфические черты личности [9, 142].

Так, анализируя примеры, приведенные выше, можно сделать вывод, о том, что люди, выражающиеся подобным образом, социально дифференцированы. В первых двух случаях это воспитанные, образованные взрослые люди, мужского пола, скорее всего, славянского этнического типа (так как использование наименования «орел», этически характеризующего человека, совершенно не характерно для английского или немецкого языков). В последних двух примерах показана речь, скорее всего, современной

дворовой молодежи, использующей уличный жаргон. Таким образом, в аспекте стратификационной вариативности были учтены такие параметры, как: возраст, пол, образование, этнический тип, принадлежность к социальному институту и т.д.

По линии **ситуативной вариативности** выделяются: ролевые отношения участников коммуникации; формы локализации и обстановка тех или иных ролевых отношений в пространстве и времени, сфера коммуникативной деятельности: наука, образование, религия, общественно-политическая деятельность; языковой коррелят этих сфер - функциональный стиль; характеристика тональности ситуации. Говоря о ролевых отношениях коммуникантов, необходимо учитывать характер общения, который может быть официальным и неофициальным. При официальном характере общения важен должностной статус участников: начальник – подчиненный, контролер – пассажир, чиновник – проситель. Типичными для официального общения считаются ассиметричные (неравноправные) отношения коммуникантов: один выше по служебной иерархии, другой ниже. В отличие от неофициального, официальное общение ограничено строгими правилами взаимного поведения, в них частотны клишированные, стереотипные формулы и высказывания. К разновидностям неофициального общения относятся дружеское, приятельское, фамильярное и прочее. Таким образом, статус участника определяется иерархией прагматически релевантных для вербального общения ролей. Статус коммуниканта определяется различными внеязыковыми факторами: социальными, имущественными, семейно-родственными отношениями, профессиональной, служебной иерархией и др. [34, 81].

Роли коммуникантов обуславливают их поведение в вербальной коммуникации, выбор речевой стратегии и языковых средств выражения своего намерения, поскольку они свидетельствуют об иерархическом статусе коммуникантов. Статус той или иной роли во многом зависит от традиций, обычаев, сложившихся в той или иной национальной культуре. В Европе, скажем, в отличие от Востока, женщина имеет более высокий статус по отношению к мужчине. В восточных культурах гость по статусу выше домочадцев и даже хозяина дома и т.д.

Так, в приведенных выше примерах можно считать, что ролевые отношения участников симметричны (отдельно в каждом случае), явно локализованы и определены одними временными рамками, языковой коррелят ограничен разговорным стилем, тональность общения неофициальная, выражающая явную предрасположенность говорящих по отношению к объекту их высказывания.

Между двумя видами вариативности существует тесная взаимосвязь. Как правило, признаки двух видов вариативности действуют в комплексе.

Несмотря на то, что охарактеризованные выше параметры коммуникации различают исследуемые нами речевые акты, все же есть нечто их объединяющее, и это нечто касается отношения говорящего к предмету или адресату речи; в нашем случае эти отношения выражают оценку

индивида, что в итоге реализует положительную этическую оценку человека, то есть используются в оценочных речевых актах.

2.2 Употребление субстантивов с положительной этической оценкой человека в речевых актах

Исследуемые нами позитивы используются в оценочных речевых актах, которые выражают одобрение, похвалу, комплимент, предрасположенность по отношению к объекту высказывания или восхищение им, то есть в подобных высказываниях говорящий выражает положительную оценку поступка (поведения) адресата, рассчитывая вызвать его положительную эмоциональную реакцию. Важно отметить, что, вынося оценку, говорящий опирается не только на свое субъективное мнение, но и на общепринятые представления о том, что такое хорошо и что такое плохо. Высказывания-похвалы, построенные на полной структуре, состоят из следующих семантических компонентов: субъект оценочного отношения, объект оценки, поступок, само оценочное отношение, основание оценки (они наиболее распространены в речи). "... в состав оценочной модальной рамки входят элементы трех типов: те, которые обычно **эксплицируются** (объект оценки), элементы, как правило, **имплицитные** (шкала оценок, оценочный стереотип, аспект оценки) и элементы, которые реализуются **и в эксплицитном, и в имплицитном виде** (субъект оценки, аксиологические предикаты, мотивировки оценок) [36, 47]. В зависимости от того, как выражен тот или иной компонент, высказывание принимает ту или иную модификацию. Выбор той или иной модификации определяется ситуацией, условиями общения, взаимоотношениями коммуникантов.

Исследуемые нами речевые акты, а именно: похвала, комплимент и т.д. в коих употребляются анализируемые нами позитивы, относятся к фактическим речевым жанрам (т.е. имеющим целью общение, а не сообщение информации - как информационные) и рассматриваются как оценочные (см. классификации Н.Д. Арутюновой, Е.М. Вольф, Т.В. Шмелевой).

По выражаемой ими иллокутивной функции, данные речевые акты могут быть систематизированы в терминах родо-видовых отношений.

Базисные типы, включающие речевые акты определенного прагматического содержания, можно отнести к максимальному классу родо-видового порядка, или высшему роду, представляющему собой инвариант, а речевые акты, входящие в этот базисный тип, выступают минимальным классом родо-видового порядка, то есть являются его вариантами. Практическое варьирование разных видов речевых актов, реализующихся в контексте, не выходит за пределы родового класса [34, 111].

Так, в качестве родового инварианта исследуемых нами речевых актов можно считать **оценочный речевой акт**, который включает вышеперечисленные варианты (одобрение, комплимент, похвалу, восхищение и т.д.). Оценочные высказывания имеют свои особенности в структуре и семантике. Многоплановое изучение природы и сущности оценки,

особенностей ее выражения проведено в исследованиях Е.М. Вольф, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А.Д. Шмелева и других. Оценочные речевые акты рассматривались и в зарубежной теории речевых актов [37], и в отечественной лингвистике. Существует целый ряд работ, посвященных особенностям оценочных высказываний, в которых в том числе рассматривалась и похвала. Тем не менее отмечается, что фактические речевые жанры, к коим мы причисляем исследуемые нами обороты, изучены недостаточно [38].

В основе высказывания-похвалы лежит какая-то ситуация (поступок), которую оценивает говорящий, причем оценивает положительно. Можно с уверенностью утверждать, что анализируемые нами наименования, выражая похвалу, то есть используемые в соответствующих речевых актах, служат своего рода знаками **эффективного общения**, полного **взаимного приятия** собеседников друг другом, это знаки психологического, внутреннего комфорта, создаваемого в процессе общения. Имена, реализующие этическое, нравственное одобрение, выражают полное приятие одного человека другим, ведь в этих случаях задействована эмоциональная личностная сущность, человеческая душа, а то, что касается душевного, глубоко переживается, должно быть прочувствовано, прежде чем выразиться. Нужно отметить, что подобные речевые акты используются в эмоциональных высказываниях и в силу своей специфики не могут быть единицами нейтрального характера, использоваться в нарративе.

И похвала, и комплимент, и одобрение являются яркими чертами коммуникативной культуры народа. Для русского человека характерно, как отмечают некоторые исследователи, всему давать моральную оценку. В типологии речевых актов, подобные, занимают вполне определенное место как явно выражающие оценочное значение. Иллокутивной целью данных речевых актов является выразить состояние говорящего и произвести эмоциональное воздействие на слушающего. Изучение подобных речевых актов представляет для нас особый интерес.

Попытаемся классифицировать речевые акты, выражающие похвалу, комплимент и одобрение на те, которые:

- характеризуют непосредственно адресат (выражаемые « глаза в глаза »);
- характеризуют третье лицо;
- репрезентируют внутреннюю речь одного из коммуникантов.

Наибольшую по количеству группу (около 70% проанализированного нами фактического материала) представляют речевые акты, характеризующие третье лицо (ниже, в третьем разделе, мы попытаемся аргументировать данное количественное преимущество).

Хотя примеры похвалы и одобрения «прямо в лицо» существуют, но они малочисленны. В подобных немногочисленных примерах интерес представляет исследование **реакции на похвалу**, характерной для русского

языкового сознания, которая кардинальным образом отличается от реакции, характерной для английской языковой традиции.

Особый интерес представляют речевые акты, выражающие похвалу и одобрение, не репрезентируемые вербально. Они остаются предметом **внутренней речи адресанта**. Возникает вопрос, почему же подобные мысли не вербализуются? Еще Ф.И. Тютчев утверждал: «Мысль изреченная есть ложь!», таким образом, выражается мысль о том, что внутреннее, скрытое в себе, это истинно и правдиво, а то, что произносится вслух, искажается и является неистинным.

Приведенная выше классификация исследуемых нами речевых актов будет охарактеризована в ходе дальнейшего анализа интересующих нас позитивов (в третьем разделе предлагаемой магистерской диссертации).

Также говоря о речевых актах похвалы, нельзя не затронуть вопрос о понятии **самовосхваления**, характер которого также абсолютно противопоставлен в русской и английской культурных языковых традициях (см. раздел 3).

Исследуя речевые акты, в которых используются интересующие нас позитивы, нами была выделена небольшая группа речевых актов, абсолютно противопоставленных описанным выше. Как бы это не парадоксально звучало, но анализируемые субстантивы, выражающие положительный этический признак, так же могут использоваться и в абсолютно противоположных речевых актах, а именно: **порицания** или **упрека**, однако подобные примеры немногочисленны, например:

- - Хорош *благодетель*, нечего сказать! Натворил дел, и в кусты? (из кинофильма «Орел и решка») (в данном примере порицание имеет иронический характер);
- - Как же ты можешь называть себя *правдолюбом* и честным человеком после того, как так обидел нашу девочку? (в данном случае используется косвенное порицание в форме вопроса);
- - Ты, что же думаешь, *орел*, - сказал Трунов, пряча в карман документы, - я буду за собой таскать все канцелярию? (Первенцев «Испытание»).

Как уже было отмечено выше, в основе высказывания-похвалы и порицания лежит какая-то ситуация (поступок), которую оценивает говорящий - положительно или отрицательно. Подобные высказывания сходны по составу семантических компонентов, входящих в их структуру, хотя по содержанию эти компоненты различаются в связи с коммуникативной полярностью самих высказываний. В конкретных условиях общения полная семантическая модель порицаний и похвал реализуется редко, чаще всего представлена та или иная ее модификация. Определяет эту модификацию характер референтной ситуации, отраженный в высказывании, особенности образа автора и адресата [40, 56].

Таким образом, анализируя исследуемые нами речевые акты, важно затронуть вопрос об образе адресата похвалы и порицания, который

предстает соответственно в положительном и отрицательном свете. В речевых актах исследователями выделяется несколько типов адресатов [41]: **единичный, коллективный, массовый и квазиадресат**. Не все из названных типов адресатов возможны в рассматриваемых нами речевых жанрах.

В условиях непосредственного общения наиболее типичен единичный адресат. Коллективный адресат также возможен при прямом общении, но в этом случае накладываются определенные ограничения на содержание и форму обращенных к нему высказываний. Например, можно похвалить коллективного адресата:

-Ну, *вы, ребята* - просто *герои, храбрецы* провалиться мне на этом месте!

Массового адресата имеют в виду, когда говорят о средствах массовой информации [40, 58]. Обратить похвалу или порицание к массовому адресату невозможно, так как его нельзя ни обидеть, ни обрадовать, тем более учитывая специфический характер анализируемых нами единиц (их направленность на этическую, моральную сторону в содержательном плане). В качестве исключения пример, только подтверждающий правило:

- *Россия – щедрая душа!* (хотя здесь скорее используется речевой акт, имеющий целью сообщение информации – как все информационные речевые акты)

Под квазиадресатом понимаются грудные дети, домашние животные и сам говорящий. Принимая во внимание характер исследуемых позитивов, из трех разновидностей квазиадресата наиболее интересным для нас будет являться последний, так как он относительно широко представлен в жанре порицания и нередко встречается в жанре похвалы.

- Ну, что рассказать тебе, в молодости был я далеко не *праведник*, слишком часто мысли грешные посещали меня и творил я дела пагубные, в чем не перестаю каяться, нести этот крест мне до самой моей смерти!

Кроме названных разновидностей адресата, можно выделить еще две: **неопределенный и неизвестный**. Например:

- Пожертвовал *кто-то* на восстановление Храма, *благодетель*, спаси, Господи! (**неизвестный адресат**).

Подобные высказывания сходны тем, что они обращены к условному адресату, используются они преимущественно в разговорной речи.

Таким образом, в результате проведенного исследования, мы пришли к выводу о том, что исследуемые нами единицы, а именно имена существительные с положительной, этической оценкой человека заключают в себе глубинный, а поэтому очень интересный для исследования прагматический потенциал, который помогает наиболее глубоко раскрыть и очертить контуры нравственного идеала человека, характерного для разных этических языковых традиций.

РАЗДЕЛ 3 СПЕЦИФИКА СЕМАНТИКИ И ПРАГМАТИКИ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ЭТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКОЙ ЧЕЛОВЕКА

Благодаря исследованию семантического аспекта лексических единиц различного характера можно наиболее глубоко осознать и проникнуть в их содержательную сторону.

Являясь строевым элементом в структуре и семантике языковых единиц, значение слова представляет собой сложную, многослойную, изменчивую сущность. Многомерная ориентированность содержательной стороны слова, которая соотносится с обозначаемыми словом предметами, явлениями или процессами объективной действительности, функционирует в составе предложений и высказываний, вступая при этом в определенные отношения с другими единицами языковой системы, передает определенную информацию в процессе коммуникации. Иными словами, связь и взаимодействие таких лингвистических реалий, как семантика и прагматика является неоспоримой, представляет интерес для исследования.

Анализируя семантический и прагматический потенциал позитивов в русском и английском языках, хотелось бы сразу заметить, что соотношение функционирования подобного рода единиц (в количественном плане) в названных языковых группах неодинаково. Так, для английской языковой действительности характернее выразить нравственную оценку посредством использования имен прилагательных, называющих тот или иной качественный признак, а не имен существительных, заключающих в себе предметное значение. Иными словами, группа субстантивов, выражающих положительную этическую оценку человека в английском языке, гораздо более малочисленна, чем в русском.

Как известно, денотативный компонент лексико-семантической структуры имени существительного имплицитно денотативную отнесенность знака, вызывая предметное представление некоей субстанции, вещи, лица, очерчивая, таким образом, круг референции данного слова в речи. Для английского же языка импликация подобного характера не столь актуальна относительно употребления этических оценок (имеется в виду его признаковое выражение) применительно к человеку, то есть очертить контуры нравственно положительного образа человека с помощью прилагательных более типично для английской языковой действительности. Возможно, это связано с тем, что, например, для русского языкового сознания актуальнее не просто употребить какой-то признак, характеризующий тем самым человека с определенной стороны, признак, который можно использовать и при характеристике других объектов, как это происходит в английском языке, а употребив существительное, подчеркнуть, что именно этот конкретный субъект является обладателем данного признака и именно этот признак является определяющим при его характеристике, объем референционного потенциала в данном случае будет лимитирован.

Вышесказанное вовсе не означает, что исследуемые нами лексические единицы, а именно имена существительные с положительной этической оценкой человека совершенно отсутствуют в английском языке, они есть и могут быть описаны по тем же принципам, что и подобные наименования в русском языке, однако несколько специфично, так как предлагаемые для сопоставления группы представляют совершенно разные этнические, языковые и культурные традиции.

В результате декомпозиции исследуемых позитивов в русском языке, мы пришли к выводу о том, что данные лексические единицы могут быть классифицированы на две группы. **Первая группа** – это существительные, которые заключают в себе имманентный (внутренний) признак (он будет являться постоянным качеством - константой), например: *заступник, добряк, праведник, душечка* и т.д.; **вторая группа** - это наименования, в которых то или иное имманентное качество выходит во внешний мир, в социальные отношения, то есть переносятся на других людей, тем самым, характеризуя поступки человека, например: *правдолюб, благодетель, доброжелатель, миротворец, человеколюбец, доброхот* и т.д., назовем их «не имманентными», противопоставляя охарактеризованным выше позитивам.

В связи с характером выделенных групп позитивов имеет место вопрос об их словообразовательном аспекте, непосредственно влияющем на мотивацию значений данных имен существительных, так как подобного рода лексические единицы являются производными. Производное слово - это уникальный языковой, семантический феномен, в котором органично сочетаются явные и скрытые (материально невыраженные) компоненты.

Так, лексические единицы первой группы в основном образованы морфологическим суффиксальным способом от прилагательного, например: *добряк, храбрец, удалец* и т.д. Именно на данной ступени словообразования происходит формирование семантики существительного, которое называет лицо, характеризующее определенными отношениями к признаку, названному мотивирующим прилагательным. Лексические же единицы второй группы, образованы морфологическим сложносуффиксальным способом, то есть при помощи сложения двух слов, дополнительно осложненных суффиксом. Вторая часть подобных слов является глаголом, причем глаголом деятельностью, креативным (сравни: *любить, делать, творить*), и это, на наш взгляд, не случайно, так как именно в глаголах заключена семантика действия, в данном случае направленная на выход того или иного имманентного качества в социум, на отношение к другим людям, а ведь именно дела человека позволяют судить о его нравственном облике. Семантическая структура подобного рода производных слов представляет собой синтезированный семантический комплекс, в формировании которого участвуют семантические признаки разной степени обобщенности.

Интересно, что так называемые не имманентные наименования являются наиболее характерными для русского языка, тогда как, попытавшись найти адекватные эквиваленты в английском языке мы встретили лишь единичные случаи их употребления, например: *well-wisher*,

peace maker и т.д., что, свидетельствует о том, что для русской языковой действительности важнее не просто обладать признаком, но и направлять эту положительную энергию (учитывая специфику анализируемых наименований) на других, выводить ее в социум, то есть переносить на других людей, тем самым, характеризуя поступки человека. В английском же языке, среди довольно немногочисленной группы позитивов преобладают позитивы, имманентные по характеру.

Анализируя семантическую структуру имен существительных данных двух групп, нам удалось выявить некоторые параметры, семантически объединяющие исследуемые позитивы и параметры (а точнее конкретные семы), дифференцирующие их, причем выделенные параметры будут идентичными как для русского, так для английского языка.

Иными словами, в зависимости от роли в структуре значения слова, семы исследуемых позитивов дифференцируются. Разновидностями сем являются родовая сема (архисема) и дифференциальная сема. Архисема (по терминологии В.Г. Гака), представляет категориально-лексический элемент, уточняющий лексико-грамматическую информацию (сему «предмет», в нашем случае «лицо»), которая в свою очередь уточняется с помощью еще более конкретных сем дифференциального характера, они являются менее общими, уточняют, конкретизируют значение.

Так, классификационными или общими характеристиками для первой группы (имманентных) существительных являются четыре **архисемы**, которые понимаются как важнейшие в организации их лексического значения, они образуют узловые пункты в их классификации [45].

Это, прежде всего, семы:

- человек (*a person*);
- человек, обладающий признаком (*a person possess a certain quality*);
- признаком этическим (*positive quality*);
- признаком положительным (*moral quality*).

Вопрос о том, какой именно положительный этический признак они выражают или характеризуют, будет заключаться в реализуемых ими **дифференциальных семах**, с помощью которых уточняется, конкретизируется значение, именно дифференциальные семы определяют индивидуальность слов.

Сравни, по определению словаря русского языка под ред. А.П. Евгеньевой [46]:

- **добряк** – очень добрый человек, расположенный к людям, отзывчивый, исполненный доброты и сочувствия, готовый всегда помочь (его семы «добрый, расположенный к людям, отзывчивый» являются дифференциальными, отличающими это имя, от других, входящих по классифицирующим признакам в его группу);

- **смелчак** – **смелый человек**, который не поддается страху, не боится опасностей;
- **простак** – **бесхитрый простодушный, человек**, всегда открытый, не церемонный;
- **миляга** – **милый, приятный человек**, располагающий к себе.

Архисемы второй группы имен существительных, образованных при помощи глагола, это:

- субъект (человек) - (*a person*);
- выполняющий определенное действие (*a person, who acts*);
- действие, характеризующее его как положительного, нравственного человека (*action characterizes a person as morally (ethically) positive*).

Например:

- **человеколюбец** – тот, кто **любит людей**, готов помочь им;
- **доброжелатель** – тот, кто **проявляет участие**, расположение, желает добра кому-либо, чему-либо;
- **миротворец** – тот, кто **примиряет** ссорящихся, враждующих, способствует прекращению ссоры;
- **правдолюб** – тот, кто **любит правду**, истину, справедливость [46];
- **well-wisher** – a person who hopes that another will be happy, successful, healthy, etc;
- **peacemaker** - a person who persuades people or countries to make peace [47].

Отдельные категории лексических единиц, входящих в описываемые выше группы, составили:

1. **заимствованные существительные**, например: *альтруист* - *altruist* (о человеке, проявляющем бескорыстную заботу о благе людей), *гуманист* - *humanist* (о человеке, проникнутом любовью к людям), *филантроп* - *philanthropist* (о человеке, любящем других людей);

2. **существительные, приобретшие свое значение в результате переноса**, например: *агнец* (о кротком человеке), *голубица* (о целомудренном, невинном существе), *сокол* или *орел* (об отважном человеке); *angel* (about ethically ideal person), *lamb* (about gentle, meek or mild person) *soul* () и т.д. В данных именах мотивационный признак выражен ассоциативно и отличается семантической двуплановостью. С точки зрения словообразования, данные наименования образованы лексико-семантическим способом.

Учитывая специфичность исследуемых позитивов, а точнее этическую оценку, выражаемую ими, которая в свою очередь требует некоторой ориентации на норму (образец, пример), необходимо привести примеры, фразеологизированных синтаксических конструкций с нормативной семантикой. Анализируя их можно вывести даже определенную формулу их организации: **S – настоящий (истинный) P!**

Например: *Мой папа – настоящий мужчина!*

Наш профессор – настоящий человек!

Она – настоящая женщина!

В сигнификативное значение родовых наименований, употребляемых в данных примерах (*мужчина, женщина, человек*) входит совокупность устойчивых признаков, закрепленных в языковой картине мира, и не постоянных признаков, варьирующихся в зависимости от жизненного опыта, знаний коммуникантов, то есть от их апперцепционной базы. Объем сигнификативного содержания родовых наименований аксиологически обусловлен, так, в оценочном употреблении слово «человек» включает в себя прежде всего положительные нравственные характеристики, которые, впрочем, могут не исчерпывать до конца сигнификативного содержания; в объем понятия «мужчина», входят аксиологически релевантные признаки: *смелый, решительный, справедливый, сильный, способный позаботиться о слабых, мужественный, ответственный* и т.д.; слово «женщина» может подразумевать такие свойства, как: *нежность, слабость, заботливость, жалостливость* и т.д. Прилагательное *настоящий*, употребляемое в подобных примерах, выполняет не функцию интенсификации, которую ему обычно приписывают, а функцию актуализации признаков, содержащихся с точки зрения говорящего в следом стоящем позитиве. Прилагательное выступает как элемент прагматического субъективно-модального плана, вводящего в смысл высказывания импликацию соответствия объекта оценки представлениям говорящего о нем, другими словами, имплицитно объективную истинность утверждения.

Подобное явление характерно и для английского языка, ср. *My father is a real person!* (формула: **S is a real P!**) Видимо ориентация на норму, образец это универсальное понятие, свойственная разным этническим культурам.

Что касается компонентов лексико-семантической информации, то лексические значения анализируемых нами позитивов описываются идентично в разных языках, внимания заслуживает лишь коннотативный аспект или компонент их значения, который по нашему мнению является специфичным для каждой этнической культуры.

Так, например, образные номинации русского языка, такие как: *горлица, голубица, орел* (относительно человека), будут совершенно неадекватными английским: *turtle-dove or eagle*, хотя некоторые соответствия все же можно обнаружить, например: *agneц – lamb* (о кротком, смиренном человеке). Не носителям языка очень сложно до конца прочувствовать и понять эмоциональные и экспрессивные оттенки значения, присутствующие в некоторых наименованиях, которые говорят о слове очень много, а по мнению французского лингвиста Ф. Растье, коннотативные семы должны рассматриваться, как способные дифференцировать и актуализировать различные понятия, также как денотативные и сигнификативные [49, 70].

В плане анализа коннотативного компонента, мы попытались классифицировать исследуемые нами позитивы, прежде всего на **оценочные, но не образные** и просто **образные** единицы, а внутри каждой из этих категорий выделили эмоциональные, экспрессивные и нейтральные (относительно экспрессивности и эмоциональности) единицы, в результате:

1. оценочные, эмоциональные:

1. *Нужно воспитывать своего сына так, чтобы он вырос настоящим человеком, (в значении: личность как воплощение высоких моральных качеств [46]);*

2. *Что тут говорят о Варе? Наверно опять говорят, что она душечка (в значении: приятный, милый человек [46]), да? (Симонов, «Парень из нашего города»); (здесь употреблено с легкой иронией)*

2. оценочные, образные, эмоциональные:

1. *Да, да, завтра, завтра мы хороним нашу голубицу (в знач.: целомудренное, кроткое, невинное существо [46])! (Тургенев «Несчастливая»);*

В приведенных примерах эмоциональный характер оценочности обуславливается тем, что усиление смысла происходит из-за особого повышенного эмоционального состояния говорящего, его воодушевленности, эмоционального подъема, причем во втором случае используется образное наименование лица (человек метафорически сравнивается с голубицей).

3. оценочные, экспрессивные:

1. *Есть какой-то Казбич, удалец (в значении: смелый, лихой, храбрый человек [46]), который разъезжает шажком под нашими выстрелами и пренебрежительно раскланивается, когда пуля прожужжит близко. (Лермонтов «Герой нашего времени»);*

2. *Хороший хозяин, и в то же время широкая натура, просто человеколюбец, (в значении: о том, кто любит людей; готов помочь им [46]) таких мало, - сказал Себастьян о Фледере. (Казакевич «Дом на площади»);*

4. оценочные, образные, экспрессивные:

1. - *Славный у тебя комбат, умный офицер.*

- *Орел (в значении: мужественный человек, отличающийся отвагой [46])! (Березко «Ночь полководца»);*

Приведенные выше лексические единицы, на наш взгляд, могут быть охарактеризованы как экспрессивные, так как здесь происходит усиление заданного высказыванием смысла. В данных высказываниях экспрессивность направлена на то, чтобы усилить эмоциональное воздействие, увеличить воздействующую силу сказанного.

Характерно, что, **исследуя образные единицы**, внутри рассматриваемой нами категории слов, мы заметили интересную, на наш взгляд, тенденцию. Большинство анализируемых нами элементов, составляющих группу наименований, выражающих образную оценку субъекта, являются

устаревшими. Возможно, в современном языковом сознании этическая или нравственная оценка уже не является образной, то есть не ассоциируется с каким-то конкретным предметом реальной действительности.

В ходе анализа коннотативного потенциала лексико-семантической информации исследуемых нами единиц, мы выделили:

- Эксплицитную коннотацию, то есть явно выраженную, (данная категория имеет общее с образностью, но не во всех случаях), например: *angel* (ангел, о человеке); *горлянка* (о человеке); *soul* (душечка) и т.д.;
- Имплицитную коннотацию, то есть скрытую в глубине семантики слова, подразумеваемую. Сюда, прежде всего, относятся так называемые «плохие» и «хорошие» слова (специфичность содержания анализируемых позитивов диктует их положительный характер): *friend* (*друг*, в знач. разделяющий чью-то участь, сторонник, готовый помочь, защитник [46]) *человек* (в знач. личность, как воплощение высоких моральных качеств [46]) и т.д.

Таким образом, мы попытались охарактеризовать специфику семантического аспекта исследуемых позитивов в сопоставлении двух языков, выделив содержательные компоненты их лексико-семантической информации, классифицировав их по выражаемому семантическому внутреннему признаку. В результате мы убедились, что, несмотря на то, что этические или нравственные категории являются универсальными для разных народов (имеется в виду, что, например, понятие чести, справедливости, душевного расположения к людям определяются как нравственно положительные для любой традиции), все же они этнически специфичны, так как каждая этническая группа ставит свои, особенные моральные принципы во главу угла.

В итоге, набор тех или иных этически положительных черт (в нашем случае наименований) будет особенным для каждого отдельного народа. Так, при помощи анализа специфики семантического аспекта имен существительных с положительной, этической оценкой человека, мы попытались определить этот своеобразный набор черт для русского и английского языков.

Мы попытались систематизировать исследуемые позитивы на основе общего для отдельной группы наименований классификационного или родового понятия, определенного концепта, под который подпадает целый семантический ряд тех или иных рассматриваемых нами единиц.

В результате:

Концепты	Примеры – наименования
Добро	добряк, доброхот, добротворец, доброжелатель, добродей и т.д.
Расположение к себе	миляга (милашка), душечка, душа-человек и т.д.

Смелость	удалец, храбрец, герой, рыцарь, заступник, сокол и т.д.
Кротость	скромник, агнец, голубица, горlinkка и т.д.
Справедливость	правдолюб, правдоискатель и т.д.
Гуманизм	человеколюбец, гуманист и т.д.
Милосердие	милостивец, альтруист, благодетель, сострадалец и т.д.
Трудолюбие	тудяга, работяга и т.д.

При помощи вышеперечисленных классификационных понятий – концептов и раскрывающих их содержание субстантивов морально-этического характера мы попытались определить фрагмент выводимого нами нравственного образа человека, характерного для русской языковой действительности.

В результате получилось, что для русской языковой традиции наиболее актуальными являются такие нравственные категории, характеризующие человека с положительной стороны, как: доброта, смелость, кротость, справедливость, гуманизм, трудолюбие, милосердие, душевное расположение к другим людям и т.д..

Хотелось бы сразу оговориться, что мы не утверждаем, что каждый человек должен обязательно обладать набором подобных качеств. Мы пытаемся определить фрагмент идеального нравственно-этического образа, ведь еще Ф.М. Достоевский писал: «Важно не то, какие люди на самом деле, а то, о чем они мечтают».

Попытавшись проанализировать субстантивы того же характера в английском языке, мы пришли к выводу о том, что на основе функционирования подобных единиц в данной языковой культуре очень сложно очертить контуры нравственного идеала человека, в силу неактуальности их употребления. Как уже было отмечено выше, для носителей английского языка характернее выразить этическую оценку человека, прибегнув к помощи имен прилагательных (так, чтобы охарактеризовать доброго или сострадательного человека, в английском языке используются разнообразные адъективы, например: kindhearted, courteous, polite, obliging, kind, amiable compassionate, merciful, pitiful и мн. др.).

Чтобы наиболее полно охарактеризовать функционирование и употребление анализируемых позитивов, необходимо исследовать заложенный в них прагматический потенциал. Так, во втором разделе нашей магистерской диссертации мы уже попытались проанализировать факторы, влияющие на характер общения, такие как: коммуникативная ситуация, статус говорящего, его социальные установки, позиция в ролевой структуре общения, отношение к предмету и адресату речи и т.д. В настоящий момент

для нас представляет интерес исследование специфики тех речевых актов, в которых они употребляются.

Нами уже было отмечено, что в типологии речевых актов, исследуемые нами, занимают вполне определенное место как явно выражающие оценочное значение. Анализируемые нами позитивы используются в речевых актах, которые выражают одобрение, комплимент, похвалу, предрасположенность по отношению к объекту высказывания или восхищение им. Франсуа де Ларошфуко утверждал, что похвала полезна хотя бы потому, что укрепляет нас в добродетельных намерениях. Однако высказывания комплимента могут быть искренними и неискренними. Будучи категорией общения, искренность обладает конвенциональными средствами выражения (вербальные средства, тон голоса, интонация, взгляд, выражение лица и т.д.) и ее можно «симулировать». Современные представители юмористического эстрадного жанра говорят: Похвала бывает двух видов: искренняя - чтобы ободрить, и неискренняя - чтобы ободрать.

Хвалить тоже надо уметь: во-первых, правильная похвала или комплимент не должны быть грубой лестью, они всегда основываются на факте, значимость которого может быть лишь слегка преувеличена; во-вторых, и похвала, и комплимент обязаны быть искренними, выражать истинное доброжелательное отношение, так как фальшь здесь всегда заметна. По нашему мнению, характер речевого акта комплимента и похвалы зависит от интенций адресата и переживаемых им чувств.

Исследуемые речевые акты характеризуются полифункциональностью (множественностью иллокутивных сил). Причем в разных языковых культурах будет наблюдаться преобладание одних над другими.

К основным функциям анализируемых речевых актов относятся: 1) искреннее желание выразить восхищение или одобрение 2) фатическая функция; 3) контактообразующая функция; 4) функция приветствия; 5) функция выражения извинения; 6) функция выражения благодарности.

Очевидно, что функции 4,5,6 иллюстрируют косвенное употребление похвалы и комплимента, т.к. во всех данных случаях значения высказывания адресата не совпадают со значением используемых им предложений. То есть посредством их произнесения при интерперсональном общении может осуществляться и какой-либо другой иллокутивный акт.

Проведенные в нашем исследовании наблюдения позволяют определить подобные речевые акты как специфичные эмотивные высказывания, выполняющие функцию оценки.

Хвалить и делать комплименты можно и внешности человека, и его интеллектуальным способностям, и как было показано выше – его внутренним качествам, причем различные типы похвалы употребляются в общении с разной частотностью. Так, ссылаясь на исследование воронежского лингвиста - Р.В.Серебрякову и ее статью «Национальная специфика комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах», приведем данные предметной направленности комплимента (в процентном соотношении) [54]:

№ п/п	Тип комплимента или похвалы	% от общего числа в английском языке	% от общего числа в русском языке
1.	Внешнему виду человека в целом	43%	22%
2.	Предмету одежды	3%	8%
3.	Внутренним, моральным качества	15%	20%
4.	Умственным способностям / талантам	11%	8%
5.	Возрасту	4%	4%
6.	Результатам действий / профессионализму	17%	25%
7.	Принадлежащей адресату вещи	7%	6%

В силу содержательного плана анализируемых позитивов нас интересует предметная рубрика номер 3, а именно похвала внутренним, моральным качествам. Опираясь на данные, приведенные в таблице, можно сделать вывод, что в русском оценочном общении данный тип комплимента и похвалы человека встречается чаще, чем в английском.

Мы попытались классифицировать исследуемые нами речевые акты, на те, которые:

- характеризуют непосредственно адресат (выражаемые «глаза в глаза»);
- характеризуют третье лицо;
- репрезентируют внутреннюю речь одного из коммуникантов.

Наибольшую, по количеству группу в русском языке (около 70% проанализированного нами фактического материала) составляют речевые акты, характеризующие третье лицо, например:

- *Хороший хозяин, и в то же время широкая натура, просто человеколюбец*, (в значении: о том, кто любит людей; готов помочь им [46]) *таких мало*, - сказал Себастьян о Фледере. (Казакевич «Дом на площади»);

- *Сашка из третьего подъезда **настоящий мужик*** (в значении: личность как воплощение высоких моральных качеств [46]): *и приветливый, и поможет всегда;*

- *Да наша Екатерина Васильевна **сама справедливость*** (в значении: человек, действующий беспристрастно, в соответствии с истиной [46]), *к ней пойдем советоваться!*

- *Дядя мой, господин Сиягин, брат моей матери призрел меня - я у него на хлебах - он мой **благодетель*** (в значении: тот, кто оказывает кому-л. помощь, услугу, покровительство [46]) и т.д.

Количественное преимущество данного типа речевых актов не случайно, это связано с тем, что для русского языкового сознания не характерно хвалить в лицо, выражая свое отношение непосредственно адресату речи, то есть глаза в глаза. Наиболее частотна в русском общении похвала за поступки, то есть похвала, которая мотивируется (хвалить за что-то конкретное; Похвала требует фактов, и притом умело поданных, утверждал Жан де Лабрюйер) и выполняет определенного рода функции, например, дидактические или использование в качестве стимула к дальнейшей деятельности адресата (т.е. в качестве мотивации, Томас Фуллер говорил: похвала делает хороших людей лучше).

Примеры похвалы и одобрения прямо в лицо малочисленны, но существуют:

1. - ***Ты просто смельчак,** броситься спасать совершенно незнакомого нам человека!*
 - *Не преувеличивай, на моем месте так поступил бы каждый;*
2. - *Мама, наш дядя Костя, **настоящий человек**, ведь правда?*
 - *Действительно, Костя, **ты человек с большой буквы!***
 - *Не говорите глупостей.*

В подобных немногочисленных примерах интерес представляет исследование **реакции на похвалу**, характерной для русского языкового сознания. При проведении анализа было установлено, что в русском общении *частотна негативная реакция* на комплимент, которая может возникнуть у адресата как **по вине говорящего**, например: «Да ты стала сама доброта. Никак яду выпустила?» - «Вот засранец!» (С.Д. Довлатов, «Заповедник»), ошибкой говорящего в данном случае является употребление комплимента, содержащего иронию, насмешку, издевку (подобные случаи немногочисленны); так и **из-за некоторых особенностей** собственно русского **характера**, например скромности, застенчивости, то есть для русского языкового самосознания совершенно не характерно воспринимать похвалу, одобрение или комплименты, в силу специфики сложившейся традиции. В поддержку этого довода можно привести примеры из паремиологического фонда русского языка, который хранит мудрость народа, накапливаемую веками вместе с процессом развития национального

самосознания. Русские говорят: **Недохвал лучше перехвала; Меньше хвали, да проси больше сделать; Скромнен тот, кто равнодушен к похвалам и т.д.**

Наряду с негативной реакцией на похвалу, одобрение и комплимент, в большинстве случаев, отмечается **отсутствие** какой бы то ни было **реакции**. В остальных случаях реакцией на похвалу является недоумение, ирония, недоверие, или опровержение похвалы.

Хотя даже в науке управления известно правило: поощрения гораздо эффективнее, чем наказания. Например, коллектив становится дисциплинированнее, если здесь не штрафуют за опоздания, а поощряют, даже совсем невеликими деньгами, за отсутствие опозданий. Но в нашей трудовой культуре сложился перекос в сторону жесткости, "кнута". Подчиненных не принято хвалить, и наоборот наказания преобладают над поощрениями. Наши руководители нередко боятся "перехвалить", "разбаловать" подчиненных, и это чаще всего - неоправданные опасения при традиционно жестком отношении к подчиненным. Как известно, от похвалы вырастают крылья, от порицания они никнут.

Совершенно иной характер имеет похвала в английском языке, в котором наблюдается явное преобладание похвалы «глаза в глаза» (хотя еще Аристотель утверждал: Хвалить людей в лицо - признак лести).

Негативная реакция на комплимент в английском общении встречается гораздо реже, чем в русском. В английской коммуникативной культуре не принято спорить с собеседником или руководствоваться при ответе на комплимент ложными представлениями о скромности.

Негативные реакции на комплимент в английском общении обусловлены чаще всего следующими причинами:

1. Неуверенностью адресата в искренности комплимента
«... *you look younger, cousin Jolyon*». – «*I'm ancient...*» (J.Galsworthy. The Forsyte Saga. In Chancery).

2. Антипатией адресата к говорящему
«*You are a very nice girl, but I wish you would flirt with me, and me only*», said Winterbourne. – «*Ah! Thank you very much, you are the last man I should think of flirting with*» (H.James. Daisy Miller).

3. Неуместностью комплимента в конкретной ситуации
«*You were wonderful dear. You made quite a hit. The girls simply raved about you: they thought you so handsome*». – «*Girls*», he said bitterly. «*Old hags*» (W.S.Maugham. The Colonel's Lady).

4. Ошибкой в выборе предмета комплимента
«*You are extraordinarily attractive to women. And your greatest charm is that you don't realize it*». – «*No, but really,*» – he protested, «*I hope I'm some kind of a doctor as well*» (A.J.Cronin. The Citadel).

Из этого можно сделать вывод, что негативная реакция на комплимент в английском общении может возникнуть у адресата как по вине говорящего,

допустившего ошибку в выборе предмета комплимента, либо употребившего неуместный в конкретной ситуации комплимент, так и из-за внутренних особенностей адресата, испытывающего антипатию к говорящему или неуверенного в искренности комплимента.

В целом, реакция на похвалу или комплимент в английской коммуникативной культуре специфична, люди данной этнической группы воспринимают похвалу как формальное, вполне обоснованное явление в процессе общения, очевиден функциональный характер похвалы, который нужен для коммуникативной успешности, для сглаживания ситуации, для облегчения коммуникации.

Проведенный в работе анализ коммуникативных контекстов показал, что реплики, содержащие высказывания комплиментов и похвалы, встречаются в диалогах англоязычной литературы (причем и британской, и американской), имеющих целью установление или регулирование межличностных отношений, и в праздноречевых жанрах – эмоциональном и артистическом. Таким образом, поводом или причиной употребления комплимента или похвалы служит:

1. желание польстить адресатам и установить теплые, дружеские межличностные отношения;

2. сохранить непринужденность в общении с адресатом;

3. поддержать этикетный, формальный характер общения. Адресант данного комплимента применяет такой пример, как вежливость-маска. Причина использования вежливости-маски заключается в том, что в определенной ситуации адресанту необходимо произнести определенные слова, за которыми могут скрываться совсем иные отношения (английской языковой личности – адресанту комплимента присуще стремление к высказыванию формального, «пустого» комплимента, этикетной похвалы).

В данной этнической культуре отсутствует повышенная этическая значимость исследуемых речевых жанров, подобное явление явно более характерно для русской языковой действительности.

Говоря о речевых актах похвалы, нельзя не затронуть вопрос о понятии **самовосхваления**, нужно отметить, что представителями русской языковой культуры подобное явление не приветствуется, отчасти это подтверждают примеры из паремиологического фонда русского языка, которые содержат лексему «хвалить», в сущности, имеющие отрицательную коннотацию, сравни: *Каждый кулик свое болото хвалит; Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку* и т.д.

Действительно, в русской наивной этике негативно оценивается словесное выражение положительной характеристики человеком самого себя, о чем свидетельствуют негативные коннотации у слов, именующих этот речевой акт: хвастовство, самовосхваление, бахвальство, самовозвеличивание и т.п. [54, 147]. Носителями языка считаются этически не верными, выражения: Я – храбрец; Я истинный человеколюбец. С. Е. Никитина выделила в качестве главной черты русской народной культуры, отложившейся в языке, «невыведенность личности из социума,

обусловленная, прежде всего традиционным образом жизни, то есть восприятием опыта предшествующих поколений без существенных изменений, одинаковостью занятий, подчинением миру – общине, регламентировавшей практически все проявления личной жизни, коллективными производственными и этическими традициями» [52, 35]. Скорее всего, именно этими свойствами объясняется закреплённое в наивной языковой этике негативное отношение не только к расхваливанию самого себя, но и к любым другим попыткам «выделить» себя, что прослеживается на достаточно большом лексическом материале: самомнение, самодурство, самонадеянность, самоуправство, самовольство [6, 147], к этим примерам можно также отнести примеры из словаря В.И. Даля – самохваль, самославь, самочинство, самопочитание, самообажание, самозаконье, самоизволение [53, 132-136]. Понятие самохвальства противоречит правилам коммуникации, поскольку происходит нарушение максимы скромности, а если и встречаются подобные примеры, то они лишь подтверждают правило и не приветствуются носителями языка, а воспринимаются как нечто нарушающее правила общения, ещё Мигель Сервантес утверждал, что собственная похвала унижает человека.

Совершенно иной характер имеет понятие самохвальства и самовыдвижения в английской языковой традиции (в особенности американской), где наоборот индивидуальность, независимость человека, его «непохожесть» и «выделенность» превалируют, поощряются и даже в некоторой степени приветствуются носителями. Это совершенно иная культурная традиция, где выделить себя значит, зарекомендовать, а отсюда состояться в жизни, то есть преуспеть в ней, а фактор успешности особенно актуален для западного образа жизни.

Однако нужно заметить, что современная тенденция ориентирования на западную традицию не проходит мимо веками складывавшейся русской ментальной традиции и это касается не только понятия самохвальства, но и похвалы как речевого жанра вообще. Русские люди традиционно славилась своей доброжелательностью, однако это качество в современной малорадостной жизни почти утрачено. Иностранцы, приезжая к нам, поражаются всеобщей враждебности, царящей на улицах, в общественном транспорте, в домах и др.

Так, в настоящее время уже происходит некоторая переоценка ценностей, в связи с этим, стали возможными и считаются оправданными выражения: *Сам себя не похвалишь, никто не похвалит; Сколько ни говори о себе хорошего, никогда не захлебнешься; Сам выхваляйся, коли люди не хвалят* ит.д.

Так, основные типы похвалы и комплимента, а также их функции совпадают в русском и английском общении, однако, типология речевых актов похвалы в русской и английской коммуникативных культурах различаются. В русском общении наблюдается большее разнообразие типов похвалы в отличие от английского. В русском оценочном общении часто встречаются комплименты и похвала внутренним моральным качествам. В

английском же общении чаще оценивается внешность. В английской коммуникативной культуре чаще, чем в русской употребляются комплименты и похвала интеллектуальным способностям человека. В русском общении зафиксировано больше случаев употребления речевых актов комплимента и похвалы, оценивающих профессионализм или определенные способности человека. Кроме того, в русском коммуникативном поведении частотна негативная реакция на комплимент и похвалу, в отличие от английского, в котором негативная реакция встречается редко. Также в русском общении намного чаще отмечается отсутствие реакции на комплимент и похвалу. Отмечено также, что в английском общении речевые акты комплимента и похвалы употребляются чаще, чем в русском.

Таким образом, в результате проведенного исследования, мы пришли к выводу о том, что исследуемые нами единицы, а именно имена существительные с положительной, этической оценкой человека заключают в себе глубокий, а поэтому очень интересный для исследования прагматический потенциал, который помогает наиболее глубоко раскрыть и очертить контуры нравственного идеала человека, характерного для русской и английской языковых общностей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги нашего исследования, определим основные выводы по работе в целом. На протяжении многих веков ученых волновали проблемы определения образа человека. Лингвистика не осталась в стороне, утвердив в конце XX века принципы антропоцентричности, эгоцентричности в качестве основополагающих и делая акцент на изучении человека как создателя и носителя языковой модели мира, человека как языковой личности. Именно в ней отражаются ценностные ориентиры и установки, вся система ценностей, сложившаяся у каждого народа в процессе его культурно-исторического развития, ценности, «добытые» народом на его многовековом и многотрудном историческом пути [6, 6].

Иными словами, настоящая диссертационная работа выполнена в русле лингвоантропологических исследований и посвящена изучению образа человека как фрагмента русской и английской языковой картины мира.

В ходе исследования нами была предпринята попытка исследования специфики семантического и прагматического аспекта русских и английских имен существительных с положительной, этической оценкой человека, с целью определения этического, нравственного образа, характерного для каждой этнической общности.

Образ человека в языковой картине мира – это концентрированное воплощение сути тех представлений о человеке, которые объективированы всей системой семантических единиц, а так же системой структур и правил того или иного языка. Концепт «человек» в языковом сознании, субъекте языковой картины мира, характеризуется не только реалистическим, естественнонаучным содержанием, но и целым комплексом представлений, дополняющих рационалистическое ядро концепта ореолом субъективно-оценочных, образных и экспрессивных смыслов. Как известно, человек является воплощением и средоточием противоположностей, определенных сил и качеств, находящихся в отношении противоборства, конфликта и вместе с тем диалектического единства [5,6]. Для словесного воплощения адекватного семантического представления самых сложных явлений внутреннего мира человека язык обладает богатым, трудно поддающимся исчерпывающему описанию множеством единиц, средств и семантических правил их употребления в самых разнообразных условиях коммуникации. [56, 24].

Языковой знак, будучи одновременно орудием и результатом познания, отражает духовную деятельность человека и целого народа. Слово, как основная единица смысла, является выразителем человеческой мысли, его чувств и чаяний. Научное исследование, стремящееся познать законы слова, должно учитывать все механизмы и сферы, в рамках которых происходит рождение смысла. В свете этих проблем актуальным является рассмотрение специфики семантического аспекта русских и английских позитивов.

Мы убедились, что, несмотря на то, что этические или нравственные категории являются универсальными для разных народов (имеется в виду,

что, например, понятие чести, справедливости, душевного расположения к людям определяются как нравственно положительные), все же они этнически специфичны, так как каждая этническая группа ставит свои, особенные моральные принципы во главу угла.

В итоге, набор тех или иных этически положительных черт (в нашем случае наименований) будет особенным для каждого отдельного народа. Так, при помощи анализа специфики семантического аспекта имен существительных с положительной, этической оценкой человека, мы попытались определить этот своеобразный набор черт для русского и английского языков. В результате получилось, что для русской языковой действительности наиболее актуальными являются такие нравственные категории, характеризующие человека с положительной стороны, как: доброта, смелость, кротость, справедливость, гуманизм, трудолюбие, милосердие, душевное расположение к другим людям и т.д. Хотелось бы подчеркнуть, что данные позитивы очень разнообразны, так как называют разного рода нравственные ценности, актуальные и определяющие для данной общности людей. Получается, что в содержательном плане они с разных сторон характеризуют одну и ту же сущность, которая реализуется архисемами, составляющими семантическое ядро их лексического значения.

Необходимо подчеркнуть, что для английского языка не характерно описывать этическую оценку человека при помощи субстантивов, более актуальным является использование имен прилагательных, поэтому нам очень трудно было судить о том, какие именно черты будут рисовать образ нравственно-положительного человека в английском языковом сознании. Но, даже анализируя тот небольшой круг наименований можно сделать вывод о своеобразии функционирования подобных единиц в разных языках.

Так, например, классифицируя единицы по выражаемому ими внутреннему признаку, мы обнаружили, что, так называемые не имманентные единицы в большей степени характерны для русского языка, чем, для английского, где наблюдается явное преобладание имманентных наименований, что, свидетельствует о том, что для русской языковой действительности важнее не просто обладать признаком, но и направлять эту положительную энергию другим, выводить ее в социум. Также различия касаются лексико-семантической информации, например, коннотативного компонента значения, который наиболее ярко представляет различия в употреблении единиц подобного характера, а точнее своеобразно выражает отношение говорящего к адресанту (через использование экспрессии, эмоциональной стороны и т.д.).

Различия не ограничиваются семантическим потенциалом исследуемых позитивов, они также касаются и специфики прагматического аспекта. Так, мы выявили, что речевые акты, а точнее их характер дифференцирован в данных этнических группах, например для английского языка не актуальна, а скорее совсем отсутствует повышенная этическая значимость, подобное явление явно более характерно для русской языковой действительности, в силу чего тональность похвалы (а похвала - основной речевой акт, в котором

используются исследуемые позитивы) различна в разных этнических культурных традициях. В русском языке анализируемые наименования, выражая похвалу, служат своего рода знаками **эффективного общения**, полного **взаимного приятия** собеседников друг другом, это знаки психологического, внутреннего комфорта, создаваемого в процессе общения, тогда как в английском тональность меняется и приобретает чисто функциональный характер, направленный на успешность процесса коммуникации.

Таким образом, исследованные нами позитивы заключают в себе глубинный, а поэтому очень интересный для исследования прагматический и семантический потенциал, который помогает наиболее глубоко раскрыть и очертить контуры нравственного идеала человека, характерного для русской и английской языковой действительности.

Мы считаем, что в дальнейшем целесообразно будет рассмотреть исследуемые субстантивы с положительной этической оценкой человека в сопоставлении с субстантивами, выражающими противоположный характер (т.е. негативами), что позволит наиболее глубоко осознать специфику функционирования интересующих нас наименований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Босова Л.М. Соотношение семантических и смысловых полей качественных прилагательных: психолингвистический аспект. - Барнаул, 1998.
2. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. - М.: Индрик, 1999. - 424 с.
3. Одинцова М.П. Вместо введения: к теории образа человека в языковой картине мира // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). Ч. 1 / Под ред. М.П. Одинцовой. - Омск: ОмГУ, 2000.
4. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В.И. Постовалова. - М.: Наука, 1998.
5. Одинцова М.П. Критическая реплика по поводу попытки А.Вежбицкой построить этнопсихолингвистический портрет русского человека по данным русского языка // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). Ч. 1 / Под ред. М.П. Одинцовой. - Омск: ОмГУ, 2000.
6. Темиргазина З.К. Образ человека в русской ценностной картине мира. - Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2002. - 92с.
7. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Событие. Оценка. Факт. - М., 1988.
8. Коськина Е.В. Внутренний человек в русской языковой картине мира: образно-ассоциативный и прагматистический потенциал семантических категорий «пространство, субъект, объект, инструмент». - Омск, 2004.
9. Карасик В.И. Язык социального статуса. - М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. 330 с.
10. Григоренко О.В. Об образных наименованиях лица в современном русском языке // Русский язык в школе. - М., 2003. №3. - С.46-50.
11. Кубрякова Е.С. Актуальные проблемы современной семантики. - М., 1984.
12. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. - М., 2002.
13. Назарцева Е.А., Эмоционально-оценочное значение имен существительных с положительной эмоциональной оценкой // Проблемы семантики и прагматики (тез. мол. уч.). - М.: МГУ - фил.фак., 1989.
14. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка, т.1. - М., 1995.
15. Вардзелашвили Ж. Наносмыслы лексических структур//www.greenlamp.ru
16. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. - М., 1974.
17. Шаховский В.И. К типологии коннотации // Аспекты лексического значения. - Воронеж, 1982, с.29-34.
18. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. - М. 1994.
19. Уфимцева А.А. Лексическое значение. - М., 2002. - 239с.

20. Ахманова А. Очерки по общей и русской лексикологии. - М., 1966.
21. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. - М.: Высшая школа, 1988, 158 с.
22. Темиргазина З.К. Оценочные высказывания в русском языке. - Павлодар, 2002, 270с.
23. Лассан Э.Р. О некоторых особенностях агентивных существительных положительной оценки//Ученые записки вузов Литовской ССР. - Вильнюс, 1988, №. 39 (2). - С. 66-73.
24. Апресян Ю.Д. Коннотация как часть прагматики слова// Избранные труды, т. II. - М. 1995.
25. Филиппов А.Б. К проблеме коннотации // Вопросы языкознания. - М., 1978. №2
26. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. - М. 1986.
27. Кулигина Т.И. Категория оценки и средства ее выражения в современном немецком языке. - Горький, 1984.
28. Говердовский В.И. История понятия коннотации // Филологические науки. - М. 1979. №2.
29. Вольф Е.М., Мартынова Л.Л. Эксплицитный модус в оценочных структурах//Лексическая и грамматическая семантика романских языков. - Калинин, 1980. - С. 31-40.
30. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. - М.: Высшая школа 2001. - 126 с.
31. Сусов И.П. Коммуникативно-деятельностные теории языка.- © Administrator, 2004.
32. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. - Волгоград-Архангельск. 1996.
33. Чернейко Л.О. Порождение и восприятие межличностных оценок // Филологические науки. - М. 1996. №1. - С. 43-45.
34. Темиргазина З.К. Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике. - Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2002.- 140 с.
35. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982.
36. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985.
37. Дж.П. Серль Что такое речевой акт? Дж.Д. Остин. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. - М., 1986.
38. Дементьев В.В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. №1.
39. Тарасова И.П. Структура личности коммуниканта и речевое воздействие // Вопросы языкознания. 1993. №5, - С. 95-114.
40. Дьячкова И.Г. Похвала и порицание как речевые жанры (прагматический анализ) Вестник Омского университета: ОмГУ. 1998. Вып. 3. - С.55-58.
41. Гловинская М.М. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. - М., 1993; Земская Е.А.

Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. - М., 1988.

42. Акимова Т.Г., Масленникова А.А. Семантика императива и оценка//Лингвистические исследования. Общие и специальные вопросы языковой типологии. - М., 1987.

43. Почепцов О.Г. Речевой акт и организация дискурса // Вестник Харьковского университета, 1989.

44. Березович Е.А. Русская национальная личность в зеркале языка: в поисках объективной методики анализа // Русский язык в контексте культуры. - Екатеринбург, 1990.

45. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики. // Проблемы структурной лингвистики. - М., 1972.

46. Евгеньева А.П. Словарь русского языка в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус.яз. – М.: Русский язык, 1981.

47. J. Crowther Oxford Advanced Learner's Dictionary of current English.- Oxford University Press, 1995.

48. Вольф, 1989 Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представление в языке//Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов/Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. - М.: Наука, 1989.

49. Сапожникова О.С. К семантической систематизации коннотативных значений// Филологические науки. - М., 2003, №2.

50. Кобозева И.М. Теория речевых актов как один из вариантов теории речевой деятельности // НЗЛ. Выпуск XVII. – М., 1986. – С.14.

51. Бабенко, 1989 Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. - Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989.

52. Никитина С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. – М.: Наука, 1989, с. 34-40.

53. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.IV. - М.: Русский язык, 1991.

54. Серебрякова Р.В. Специфика комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах // Язык, коммуникация и социальная среда.- Воронеж, 2001. Выпуск 1. - С. 117-121.

55. Гловинская М.Я. Русские речевые акты со значением ментального воздействия // Логический анализ языка. Ментальные действия. - М.: Наука, 1993.

56. Никитина Л.Б. Homo sapiens в русской языковой картине мира (на материале оценочных высказываний об интеллекте) // Вест. Омск. ун-та. 2002. Вып. 3.

57. Одинцова М.П. Обитатели «духовной вселенной» в русской языковой картине мира // Филол. ежегодник. 2002. № 4.

58. Киссель М.А. Ценностей теория // философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – С. 763-764.

59. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. - М., 1987.